

«Пути-дороги»... Придирчивый читатель, возможно, скажет: «Это уже у кого-то было!» И будет, пожалуй, прав: не один Иван Гурко решился поведать миру о событиях своей жизни. Но... его пути-дороги – это ЕГО пути-дороги, отличные от других, как и сама индивидуальность и судьба автора. Это нелегкие, но прекрасные, полные творчества и большой самоотдачи в служении обществу и людям, годы.

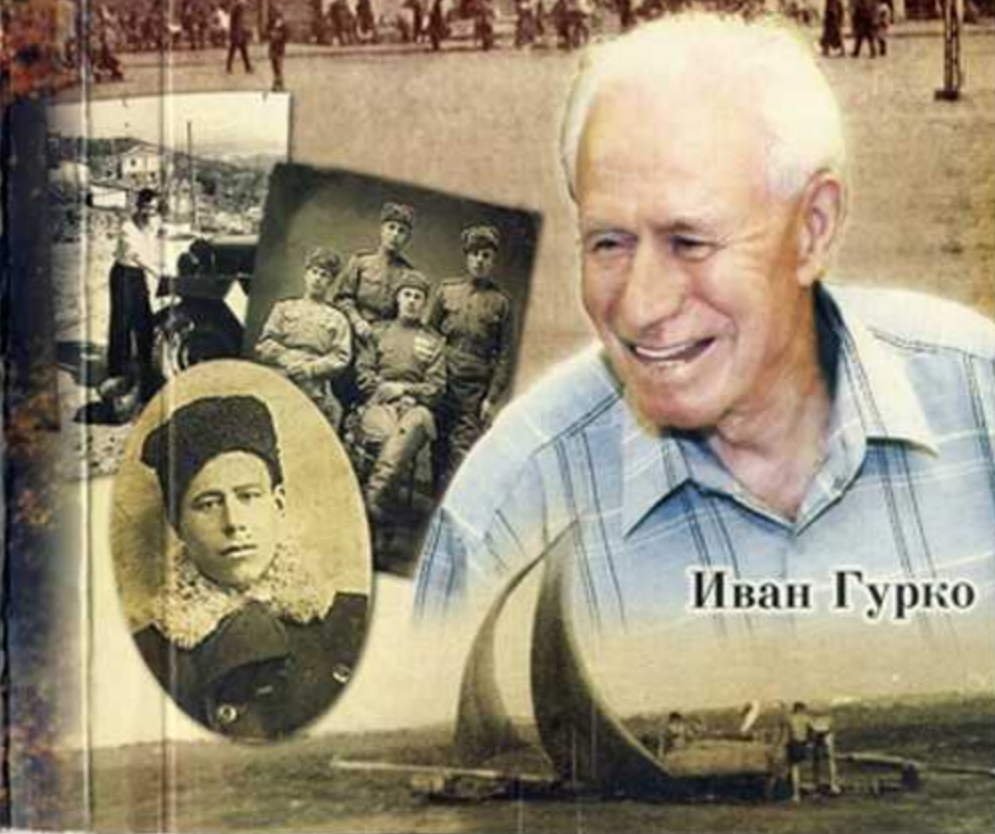
Трудное военное детство. Иркутская школа военных техников железнодорожного транспорта. В 50-х – строительство города Находки. Затем комсомольская работа, учеба на отделении журналистики в Хабаровской Высшей партийной школе. И еще полвека плодотворного труда в журналистике: в артемовской городской газете, Приморском комитете по телевидению и радиовещанию, журнале «Океанские вести».

Прекрасный организатор и наставник, Иван Федорович Гурко дал путевку в жизнь не одному десятку известных в крае журналистов. Из его артемовской литературной группы стартовали в профессиональную литературу известные писатели и поэты: Александр Плетнев, Олег Губанов, Виктор Пожидов.

Была еще заветная мечта у Ивана Федоровича – стать художником. Всю свою сознательную жизнь он рисовал. Более 400 сотен рисунков, портретов, наполненных любовью к природе и людям, стали сегодня документальным отражением времени.

«Пути-дороги» – судьба интересного человека, жизнь которого неотделима от судьбы Родины.

ПУТИ-ДОРОГИ

ДОМ С БОЛЬШИМИ ОКНАМИ

Переезд во Владивосток для меня особым удовольствием не был. Я относился к нему равнодушно. Артем был намного роднее, прежде всего своей близостью к природе. А здесь вначале все было в тягость, хотя имел достаточно много знакомых. С Валентином Ткачевым мы «хлебали щи» еще в Находке. За год до этих событий он приглашал меня главным редактором пропаганды на телевидение, я тогда отказался. Но когда пришел в комитет, он учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС и помочь мне ничем не мог. В обустройстве мне помог случай: бывший

старший редактор промышленной редакции радио, Иван Барышаев, уволился, уходил на заработки в моря. Он то и отдал мне свою комнату в деревянном двухэтажном доме недалеко от Дома радио. И первым делом, которое я сделал на новом месте – из Артема перевез свои книги и стеллажи, практически полную грузовую машину.

В комитете все было для меня новым, кроме, естественно, журналистики. Это мне так казалось. Только потом я усвоил, что радиожурналистика – это совершенно особое средство массовой информации со своими, ни на что не похожими формами и методами работы. А пока...

Случилось так, что в это время оставшаяся «на хозяйстве» редактор промышленной редакции (здесь нет литературных сотрудников, есть редакторы, старшие редакторы, главные редакторы) Людмила Моисеева находилась в командировке на строящемся лесоперерабатывающем комплексе в порту Пластун. Никаких бумаг, планов или тем более инструкций в редакции не было, да и смешно было ожидать, что в постоянно текущих делах редакции могли быть какие-то рекомендации. Единственное, чем я был вооружен, это знанием, в общих чертах, положения в промышленности края, поскольку всегда старался следить за развитием экономики. Разыскал, в конце концов, план работы редакции, но мне он не понравился, и я при первой встрече с заместителем председателя комитета Павлом Федосеевичем Марченко предложил направить главные усилия на шефство над ударными стройками края, и получил поддержку. А это были Новоспасский цементный завод, Славянский судоремонтный завод, ТЭЦ-2, мелиоративные рисовые системы, Приморская ГРЭС, а немного позже – линия электропередач ЛЭП-500, которую начинали строить от Лучегорска до Уссурийска, а затем до Владивостока. Все стройки считались народными и, естественно, была необходимость всесторонне освещать ход строительства.

Для начала считал необходимым познакомиться с объектами на месте. В первый же приход на строящуюся ТЭЦ-2 я узнал хорошую новость: в этот день были уложены последние кубометры бетона в первую дымовую трубу электростанции. Там оказался в этот момент еще один журналист – фотокорреспондент газеты «Красное знамя» Борис Подалев. Я был с ним раньше знаком, знал его

как человека, умеющего добывать информацию в любых условиях. Мы посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, двинулись на вершину трубы. Коротенькие марши деревянных лесенок тянулись нескончаемым винтом внутри трубы и казались игрушечными по сравнению с гигантским бетонным стволом, направленным до самого центра неба. Несмотря на сильный сквозняк, мы изрядно взмокли, устали, а верхней площадки все не было. Сто восемьдесят метров, а именно такой была высота трубы, оказались достаточно серьезным испытанием на выносливость для нас обоих. А ведь строители поднимались сюда каждый день, а иногда и не раз!

Первый репортаж на Приморском радио. Только что закончено возведение дымовой трубы ТЭЦ-2 во Владивостоке. Высота 180 м.

Фото Б. Подалева

вышел в эфир. А мне на память сохранилась прекрасная фотография, сделанная Борей Подалевым.

Конец августа 1969 года в памяти остался как период какой-то неустойчивости, неясности. Именно в эти дни решался во-

Зато впечатления от открывшейся панорамы были ни с чем не сравнимы. Чудный вид Владивостока, открытого моря, заметные колебания трубы вызывали чувство полета и какой-то жутковатости.

Борис фотографировал бесподобную панораму, а я попытался записать на магнитофон рассказ монтажника, принимавшего участие в сооружении этого, еще не виданного в крае, сооружения. Ему и его товарищам предстояло поднять на подобную высоту еще две трубы, о чем мне обыденным тоном рассказывал монтажник.

Первый в моей жизни радиорепортаж через день

прос о том, кто возглавит вновь созданную редакцию вещания для моряков в составе радиостанции «Тихий океан». Семен Владимирович Юрченко, председатель комитета по радиовещанию и телевидению, предложил мне должность старшего редактора редакции вещания для моряков, но я отказался, ссылаясь на то, что мне промышленность ближе. Семен Владимирович назначил старшим редактором в редакцию вещания для моряков Нину Василевскую, интересного журналиста, человека по-настоящему любящего море. И это было очень правильное решение. Нина Петровна проработала в этой должности много лет, снискав к себе глубокое уважение тысяч моряков да и других радиослушателей Дальнего Востока своими отличными передачами и проникновенными беседами на житейские темы, которые так близки людям, находящимся далеко от дома.

Людмилу Моисееву, только что отчитавшуюся за свою командировку в Тернейский район, перевели в редакцию иновещания и поручили вести передачи на Корею. Я снова остался один в промышленной редакции. Объемы передач никто не сокращал, поэтому приходилось нагружаться на полную мощь.

В аппаратной радиостудии звукооператор Нелли Галкина переписывает мой репортаж с портативного «репортера» на стационарный. 1969 г.

Главным редактором экономических программ и информации на радио работал Павел Ильич Шварц, бывший в свое время воен-

ным журналистом. Хватка у него была прекрасной во всех делах, не смотря на то, что дел этих у главного редактора было предостаточно. Две редакции радиостанции «Тихий океан» - для рыбаков и для моряков, промышленная, для работников сельского хозяйства, последних известий со всеми ее утренними, обеденными и вечерними, и нередко специальными выпусками. В неделю набиралось почти двадцать часов эфира! И ведь надо не только прочитать каждую передачу, каждую информационную заметку, так ведь еще надо слушать все без исключения материалы, выходящее в эфир в записи. И по каждому иметь четкое мнение: разрешить выпуск или задержать, требовать поправок. Должен сказать, что у Павла Ильича всегда были весьма квалифицированные оценки практически каждого материала. Еще одной весьма специфической особенностью радио было то, что каждая редакция должна предоставить материал на прослушивание в свое, графиком отпущенное время, поскольку аппаратных студий было маловато на огромный объем вещания, не каждый в эти графики укладывался. Вот и попробуй, рассчитаи свои возможности!

Павел Ильич неплохо управлял всей этой службой, никогда у него не было авралов, хотя и мог он среди нас, мужиков, отпустить горячее словечко. А в общем, он всегда оставался настоящим интеллигентом, это соответственно чувствовалось и в отношении к нему всей радишной братии. Правда, даже у него были свои «доброжелатели», да разве на всех угодишь? И вот руководство решило назначить Павла Ильича главным редактором студии «Дальтелефильм» или, как она называлась официально, Главной редакции производства программ на пленке. Это было, конечно, и в его личных интересах.

Все заботы по руководству перечисленными ранее редакциями были возложены на мои плечи. «Временно», как было сказано в приказе по комитету. Нетрудно представить, что после такого «зубра», как Шварц, я, конечно, выглядел довольно бледно в совершенно новом для меня виде журналистской деятельности, тем более, в таком большом творческом коллективе. И я это ощущение чувствовал каждой клеткой моего организма. Естественно, старался не давать повода для неправильного толкования моих действий. Сознаюсь, не всегда это удавалось. Особенно на первых порах. Тем более, были люди, которым я просто стоял

поперек горла. А тут еще одна сложность - меня избрали заместителем секретаря партбюро комитета. Как бы хотелось в этой ситуации посильнее опереться на старших редакторов!

Константина Шестеру я помнил еще как лектора крайкома комсомола. Красавец - мужчина, всегда элегантно одетый, с красивой, не менее элегантно прической, при самом модном галстуке, он держался ну просто как герой-любовник. Он часто небрежно рассказывал, как в одной из зарубежных командировок он соблазнил дочь какого-то нашего посланника то ли во Франции, то ли в Египте, и это грозило ему серьезными последствиями по возвращении домой. Но он сумел выкрутиться из такой ситуации без особых потерь. И вообще его любимой темой были разговоры о женщинах.

Не могу сказать, как это случилось, но Костю назначили года три назад редактором газеты Главвлдавостокстроя «Строитель». И он чувствовал себя в этой роли весьма уверенно, о чем я мог судить по неоднократным встречам на разных краевых собраниях и совещаниях, в Союзе журналистов и пр. Он всегда говорил так значительно, будто нет в мире проблем, какие бы он не мог решить. Он как-то приезжал в Артем и предлагал мне перейти в его газету заместителем редактора.

Но мы предполагаем, а Бог располагает... В последние месяцы 1969 года газету Главвлдавостокстроя ликвидировали и Шестера остался без работы. Не знаю, кто ему сообщил о перестройке в комитете по радиовещанию и телевидению, но он пришел проситься на работу и Семен Владимирович предложил ему должность старшего редактора промышленных радиопередач. Для Кости такое положение, когда надо не командовать, а вкалывать самому, пусть даже в должности старшего редактора, было выше его сил. А уж ходить и записывать с микрофоном при магнитофоне через плечо для него было просто невыносимым. Он старался каждого из своих авторов записать в студии, когда он задает вопросы в микрофон через стекла аппаратной. И когда вскоре был приглашен на работу в промышленную редакцию Олег Чекризов, пришедший только что из морей, Шестера, ссылаясь на свое неумение работать с переносным магнитофоном, буквально упрашивал Олега пойти с ним на предприятие и записать нужного человека. Понятно, такая практика не могла долго продолжаться.

Тем более, что Олег Чекризов, хороший журналист, постарался найти себе другую работу. Приход в промышленную редакцию Геннадия Петелина из октябрьской районной газеты положения не спасал, ему надо было писать своих героев.

Трудно сказать, чем бы кончилась эта история с желанием получить деньги за работу и не работать, если бы не началась очередная любовная история в обычном для Шестеры ключе. Правда на радийной почве.

На радио старшим редактором пропаганды работала и весьма успешно Зоря Уманская. Я познакомился с ней года три назад на третьей шахте при записи Зорей одного из своих героев. Мне она очень нравилась и как женщина, и как журналист. Очень яркой красоты и в то же время простая в общении, Зоря буквально притягивала к себе и кажется, уже на второй минуте человек, начинал чувствовать себя с ней просто и уютно, будто с давно знакомой. Ещё работая в газете, я готовил по ее просьбе материалы, поэтому при моем переходе на радио мы чувствовали себя старыми товарищами.

Шестера знал раньше Зорю но, как говорили злые языки, учитывая ее близкое знакомство с некоторыми большими деятелями, особо не заострял на ней внимание, а скорее всего он просто по-настоящему не оценил ее удивительных качеств. А тут вдруг, словно проснулся и, как у нас в селе говорят, втюрился. Да так, как раньше не случалось. Жена, прознав про Костины похождения, забила тревогу. И наши тетки как-то злорадно отнеслись к происходящему, короче говоря, начались разборки. Закончились они тем, что Костя с Зорей уехали в Саратов, на родину Зори и там остались. Как я и предполагал, этот союз не мог быть долгим, и он действительно вскоре распался.

Это один из примеров, как удивительно переплетаются производственные и личные дела, как могут меняться людские судьбы.

В 2001 году к 75-летию Приморского радио была издана симпатичная книжка «Немного о радио и о нас с вами». Хорошее издание, в котором рассказано о больших судьбах удивительного коллектива, сыгравшего немаловажную роль в развитии Приморья на протяжении трех четвертей столетия. Но в книжке затронута одна производственная сторона жизни громадного коллектива, и упомянуты в общем-то самые заметные личности. А жизнь, как известно, делают прежде всего рядовые труженики. Хотя, надо

отдать должное руководству комитета, здесь всегда отмечались не только творческие специалисты, но и монтажницы, и техники, и звукооператоры, и инженеры-ремонтники, и шоферы. Не просто отмечались, а награждались, в том числе и правительственными наградами. Это было особенно заметно в праздничные дни. Но в те шестидесятые годы все было немного по-другому.

Основной костяк коллектива был прочным и устойчивым! И все же была заметная текучесть кадров. А отдельные категории работников менялись с достаточным постоянством. В частности это относилось к редакциям вещания для рыбаков и моряков радиостанции «Тихий океан». Постоянные командировки на промысел, необходимость податься туда в любое время, оперативность и достаточно высокие журналистские требования. Не каждый мог справиться с ними. Требовались, как правило, мужчины и притом молодые. Желавших было хоть отбавляй, но, увы, достаточно быстро прогорали мужики то на водке, то на юбке. По договоренности нашего комитета с некоторыми рыбными организациями мы посылали на путину на ставках этих организаций своих собкоров. Море быстро проверяло, на что способен человек. Слабые уходили сами. Неспособных отзывала редакция. И, тем не менее, находили возможность обеспечить, чтобы с моря всегда приходила интересная свежая и, как всегда, острая информация.

Руководил редакцией для рыбаков Вадим Тураев. Среднего роста, с большой копной кучерявых волос, в роговых очках, подвижный и немного суровый, а временами очень резкий, мне он чем-то напоминал чеченца. Он всегда имел свое мнение, высказывал его смело и порой энергично. Это был очень надежный человек. И когда Вадим был на месте, все было в порядке. Со своей очень подвижной командой он управлялся достаточно умело и оперативно. Как правило, он докладывал руководству проработанные варианты решения сложных вопросов.

Нередко случалось, однако, Вадим отлучался из редакции на достаточно длительные сроки - на экзаменационные сессии (он работал над кандидатской диссертацией), на дальние путешествия, застревал на несколько месяцев где-нибудь на хребте Черского или на реке Кеме спускался с товарищами на плотках. В таких случаях мне доставалось по полной программе. Однажды был случай, когда

на всю редакцию оставались я и Борис Метелев, который даже не был официально редактором радиостанции «Тихий океан», а был прикомандирован к нам Дальневосточным морским пароходством. И мы не допустили ни одного срыва выхода программы в эфир.

О Вадиме Тураеве хочется добавить еще. Когда радиостанция была выделена в отдельную главную редакцию, а меня перевели главным редактором пропаганды радио, он долго был главным редактором радиостанции «Тихий океан». Завершил работу над диссертацией на тему об истории народностей Крайнего Севера (не знаю точного названия его работы), перешел работать в Дальневосточный научный центр, в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока и сейчас является заместителем директора этого института.

О радиостанции «Тихий океан» рассказывалось немало в разных изданиях. Мне хочется вернуться к этой теме прежде всего потому, что я хочу лишний раз подчеркнуть удивительную способность председателя комитета по телевидению и радиовещанию Семена Владимировича Юрченко решать самые масштабные задачи в области радиовещания и телевидения. Любое крупное мероприятие в стране и в крае, любая его поездка в Москву были для него поводом посмотреть на себя со стороны и решить, что можно сделать на месте, у себя в комитете. После каждого его приезда мы точно знали, что он обязательно введет какое-нибудь новшество и ожидали его.

В пятидесятые-шестидесятые годы, когда удивительно небывалыми темпами начала развиваться рыбная отрасль на Дальнем Востоке, возникла необходимость организовать специализированную передачу для рыбаков. Передачи переросли в постоянную программу. Между тем районы промысла все время расширялись, охватывая огромные пространства Тихого океана, Арктики и Антарктики. Нужны были новые, очень мощные вещательные станции, чтобы суда, находящиеся на промысле, могли слышать радиопередачи. Другие прибрежные области и Хабаровский край вели свои передачи для рыбаков. Они тоже хотели бы иметь свои мощные вещательные станции. Но именно Семен Владимирович сумел доказать Москве необходимость создания единой зональной радиостанции на базе Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению, где была самая мощ-

ная база рыбной промышленности и где уже велось постоянное вещание для рыбаков. Именно Юрченко доказал необходимость создания единой системы вещательных станций, покрывающей пространства от Северного до Южного полюсов.

Это был период бурного развития нашей космической программы, когда рождались станции слежения и спутниковой связи. Центральный Комитет партии одобрил предложение - разрешить трансляции передач для рыбаков и моряков через систему дальней связи. Нет таких слов, которыми можно было описать, какую, удивительную роль играли передачи «Тихого океана» для тех, кто плавал нередко до года в экспедициях или на промысле в момент, когда до них доносились голоса родных или близких людей! Тысячи и тысячи благодарных писем получала редакция радиостанции со всех концов света, даже из таких точек, как Южная Африка и Южная Америка.

Для управления системой, опять же по предложению Семена Владимировича, был создан Совет директоров, в который вошли все руководители комитетов по телевидению и радиовещанию территории Дальнего Востока. Заседания Совета проходили попеременно во всех областных и краевых центрах через каждые полгода. И это не случайно. Было немало претензий по отдельным вопросам, имеющим, в своей основе, как правило, принципиальное значение. Хотя случалось нередко, за этими претензиями скрывались чисто территориальные притязания. Особенно отличались в этом хабаровчане: то им хотелось любыми путями сделать Хабаровск вещательным центром, то они установят неудобное время трансляции «Тихого океана», то еще что-нибудь придумают. Такие претензии во всех обсуждаемых проблемах Дальнего Востока хабаровчане сохранили и по сей день. Особо они стали проявляться, когда Хабаровск стал федеральным центром Дальнего Востока.

Мне довелось участвовать в нескольких заседаниях Совета радиостанции «Тихий океан». На них в обязательном порядке присутствовали работники Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию в ранге Заместителя, а то и Председателя Госкомитета. В конце 1969 года, я тогда только был назначен главным редактором, заседание Совета проходило в Хабаровске. На нем присутствовал Председатель Госкомитета Н.Н.Месяцев, заседание было расширенным, на него были приглашены председатели

комитетов по телевидению и радиовещанию от самого Урала.

На Совете выступали многие представители республик, областей, и краев. Но, должен сказать, что именно выступление Семена Владимировича Юрченко привлекло к себе особое внимание глубиной понимания обстановки, постановкой новых задач, новыми предложениями. С интересом все слушали сообщение председателя Читинского комитета по радиовещанию и телевидению. Он рассказал, как комитет беспокоится о бытовых условиях работников комитета и достиг в этом весьма заметных успехов. А вот выступление Н.Н. Месяцева было достаточно серым и особых впечатлений не вызвало. Он был каким-то закатым, даже грустным. Таким я его и нарисовал в своём блокноте. Только потом мы узнали, что Месяцев уже слышал о своем переводе в Министерство иностранных дел, о назначении послом в Австралию. Между прочим, там он тоже не задержался, говорили, в связи со слабостью по женской части.

Примерно в этот же период появился в редакции «Тихого океана» Виктор Феокистов. Его появление можно назвать даже знаковым, поскольку он сыграл впоследствии известную роль в жизни всего комитета. Он только что вернулся из экспедиции - прошел на судне вдоль арктических берегов за одну навигацию и привез несколько совершенно чудесных репортажей из этого путешествия. Записанные им песни арктических бардов звучали потом в передачах «Тихого океана» много лет.

Феокистова, конечно же, взяли на работу, хотя знали его пристрастие к хмелю. Он до нас работал собственным корреспондентом Всесоюзного радио по Хабаровскому краю, там по пьяной лавочке отмочил несколько номеров, ушел от семьи и его уволили. Как журналисту цены ему не было. Из командировок в моря он передавал прекрасные материалы, которые тут же шли в эфир и вызывали массу отзывов. Он выдал немало острых постановочных материалов, по которым даже шло обсуждение в передачах радиостанции, не говоря уже о руководстве рыбных организаций. Он имел, я бы сказал, особый нюх на поиск острых событий и появлялся на месте таких событий всегда вовремя.

Выдержанный, остро чувствующий собеседника, он мог вызвать на откровенный разговор почти любого. И в то же время о каждом, с кем ему приходилось иметь дело, у него складывалось

свое, совершенно четкое представление, которое он откладывал в своем «компьютере». И, не дай Бог ему перебрать лишнюю рюмку и он, наклонив свою лысую голову вниз, глядел на человека исподлобья и мог наговорить такое, что трудно вообразить, как это он мог держать в себе всю эту мерзопакость? Помню, еще на первых порах, как только он начал работать в «Тихом океане», зашел как-то по пьянке к Вадиму Тураеву и начал высказывать неприятные слова о его жене, которую и видел-то в первый раз. Вадим со своей горячей натурой врезал ему по морде и спустил по лестнице. И, надо себе только представить, через полчаса он снова появляется и садится за стол, как ни в чем не бывало. Частенько он ночевал на вокзале, пристроившись на какой-нибудь скамейке, но утром обязательно появлялся на работе аккуратным и даже побритым.

Мне не было бы необходимости так подробно останавливаться на этой фигуре, если бы в дальнейшем не пришлось сталкиваться с этой неординарностью Феокистова. В редакции информации, как и в «Тихом океане» тоже шла постоянная подвижка с кадрами журналистов. Старшим редактором в тот момент оставался Владимир Яковлевич Абрамов, один из старейших журналистов радио. Но он был уже в солидном возрасте, у него начали преобладать не самые лучшие качества, вдобавок он начал сильно прибалывать, не прекращая выпивок. Нужна была замена. И я стал предлагать Павлу Федосеевичу, заместителю председателя комитета по радио, поставить старшим редактором редакции информации Виктора Феокистова. Тот согласился. Феокистов показал себя неплохим организатором редакции и, буквально через три или четыре месяца его перевели старшим редактором редакции информации телевидения, а вскоре и назначили главным редактором. Он к этому времени женился на Валентине Байкаловой, редакторе программы «Забота твоя, моя, наша» и она крепко взяла его в руки, хотя отучить от запоев не сумела.

Много нового, интересного предлагал и осуществлял Феокистов и на радио, и на телевидении. Но везде проявлялся один прием: Виктор - в центре. Телевыпуски - под себя, тележурнал - тоже он ведущий. А что такое сегодня - не выпускать журналистов в кадр? Ребята возмущаются, он не хочет никого признавать. И упорно стал искать для себя место собственного корреспондента Всесоюзного радио или телевидения, хотя к этому времени

почти везде стали создаваться объединенные корреспондентские пункты для радио и телевидения. Нашел. Его послали на Сахалин.

Отдыхая на сахалинском курорте, я побывал в редакциях Сахалинского комитета по телевидению и радиовещанию. Там ребята мне рассказали, что Феоктистов каким был, таким и остался: все только сам, а после выпивки ему не раз влетало за хамство даже от его шофера.

Обо всем этом не стоило бы вспоминать, если бы не произошел третий кульбит пересечения судьбы Виктора Феоктистова и нашего комитета по телевидению и радиовещанию: в восемьдесят восьмом году, когда во всю начались ощущаться толчки так называемой «демократизации», после длительной болезни председателя комитета Валентина Александровича Ткачева и его ухода с поста председателя, какое-то время должность председателя исполнял его заместитель по телевидению Борис Васильевич Максименко. И вдруг мы узнаем, что председателем комитета по телевидению и радиовещанию назначен Виктор Петрович Феоктистов. Не зря говорят - чем черт не шутит, когда Бог спит. Но об этом чуть позже.

ДРУЗЬЯ - ОПОРА НАДЕЖНАЯ

Вернусь опять к началу семидесятых, поскольку именно тогда решались многие судьбоносные для меня проблемы. За короткое время в главной редакции общественно-политических программ радио сменилось три главных редактора, я стал четвертым, а звать меня, как известно, Иваном. Поменялось и не меньшее число сотрудников редакции. Грозным я не стал, но повоевать пришлось немало. Зато с каким теплом вспоминаю тех, с кем пришлось столько лет хлебать нелегкую кашу журналистского ремесла. Неслучайно говорю ремесла, потому, что хоть и встречаются в нашей работе удачи, мелькнет где-то искорка даже не алмаза, а полированного яхонта, и ты счастлив. А в основном приходится ворочать массу словесного сена, чтобы накормить эфир. И все-таки это был поиск. Каждодневный и трудный. Но сначала об очень добрых воспоминаниях, связанных именно с теми днями.

Мне повезло. Союз журналистов СССР выделил приморскому отделению Союза две путевки в Международный дом от-

дыха журналистов. По решению бюро приморского отделения Союза журналистов путевки достались мне и редактору газеты Октябрьского района Анне Богомоловой. Раньше доводилось отдыхать во многих местах за границей, но хочу вспомнить именно о той поездке. Сбор в одном месте больше сотни журналистов разных стран - уже явление. А если к этому добавить всю ту непринужденность, раскрепощенность, которые возможны только в местах отдыха массы раскрепощенных людей, то можно представить себе, насколько интересно было знакомство с журналистами разных стран на отдыхе. С некоторыми завязалась настоящая дружба. Потом была длительная переписка, а у чехов Веры и Дана Пиковых довелось даже побывать в гостях через пару лет при проезде через Прагу. Но даже не это меня поразило. Именно в те дни, когда мы были в Варне, началась война Израиля против Египта. Вся наша колония отдыхающих мгновенно преобразилась. Собирались группами, делились информацией, искали газеты или радиоприемники. Инициативная группа, в которую входила и Вера Пикова из Праги, предложила через печать выразить протест агрессивной политике Израиля. Группа написала проект письма-протеста и уже часам к трем дня мы все собрались на митинг, где было принято обращение ко всем журналистам мировой прессы поднять свой голос в защиту египетского народа, подвергшегося нападению агрессивного израильского государства. Все журналисты стали звонить в свои редакции или посылать телеграммы, излагая текст обращения.

Я об этом вспомнил еще и по другой причине. В этом году (2002-м) в день международной солидарности журналистов, один из наших молодых товарищей, выступая на краевом телевидении, заявил: ну какая у нас может быть солидарность, мы же, в общем-то, конкуренты друг другу. Не назвал даже нескольких важнейших тем, где так нужна солидарность журналистов, таких, как борьба с наркоманией, терроризмом, коррупцией и другими страшными явлениями нашего времени. Звоню на телевидение: как же вы можете допускать подобные оценки безо всяких комментариев? Ничего вразумительного в ответ!

В Международном доме отдыха журналистов было много других интересных встреч, и в частности с коллегами, пишущими на те же темы, что и мы. Погода стояла прекрасная, и мы, кроме экс-

курсий, а они были очень интересными, находили возможность еще и покупаться. Я привез с собой ласты, маску и трубку и нырял, доставляя удовольствие себе и другим: доставал со дна морского всевозможную живность, особенно рапан (ракушек). Они были переселены сюда из наших вод, здесь сильно размножились, вырастают до значительных размеров. А у нас сегодня практически нет возможности достать рапану, ее просто выдрали браконьеры.

Здесь на пляже на моих глазах произошла еще одна незабываемая встреча. Николай Мейсак, журналист из Новосибирска, бывший фронтовик, потерявший на войне обе ноги, познакомился с немецким журналистом, тоже участником войны, тоже раненным на фронте. И, самое удивительное, они воевали друг против друга на одном поле битвы. Сначала была настороженность, почти неприязнь, но потом, в результате более близкого знакомства, оценки прошлого, они сблизились и потом расстались друзьями.

Мы с Николаем тоже расстались друзьями. И вот по приезду во Владивосток получаю письмо, а в нем записочка: «Уважаемый наш краболов! Из-за шума оркестра и женских прощальных голосов не успел в Варне прочитать сию оду, и шлю ее теперь на память о нашей встрече.

Плачут черноморские рапаны,
Горе крабов непомерно велико:
Распрощались нонече с Иваном
С парнем замечательным Гурко!
Двадцать дней они его встречали
И теперь зовут: «Гости еще, Иван!»
Но Иван, не ведая печали,
Держит курс на Тихий океан.
Ах, Иван, какой же ты упрямый!
Хоть своей улыбкой очень мил—
Что рапанам?! Многим нежным дамам
Сердце ты чегой-то не раскрыл.
Покорил ты нас своей отвагой,
Всяк с тобою встрече рад,
О тебе и чехи и поляки,
Как о добром друге говорят.
Выпьем «димят», но не будем пьяны:

Просто, чтобы сердцу веселей,
Выпьем мы за русского Ивана
Выпьем за советского Ивана
Вдалеке от Родины своей!
Выпьем други, но не будем пьяны.
Наливай, сосед, бокал полней
Тост мой за товарища Ивана,
Тост мой за Ивановых друзей!

Я целиком и полностью согласен с Николаем Мейсаком. В те годы становлению моему в коллективе радио и в домашних делах мне крепко помогли заместитель редактора газеты «Красное знамя» Георгий Малахов, с которым мы впервые познакомились еще в 1959 году, секретарь Ленинского райкома партии Евгений Гайдачаченко, бывший инструктор крайкома комсомола, с которым мы подружились в пятидесятые годы в Находке, Мая Афиногенова, ее я тоже впервые узнал в Находке. Уже во Владивостоке наши отношения переросли в более тесные и к тому времени, о котором я сейчас рассказываю, у нас уже родился сын Федя. Появились новые друзья самые тесные отношения с которыми сохранились на десятки лет. Это Виктор Никитский, он был тогда начальником Дома офицеров флота, Эрик Бородин, главный штурман Тихоокеанского флота, семьи Н. К. Зорина, Б. Ф. Беспалова, В. В. Маркидонова, и многие другие. Они дали мне возможность скорее почувствовать себя своим человеком во Владивостоке.

И БЫЛ В НАХОДКЕ СНЕГОПАД...

Назвали ее Маей не случайно. Она родилась 1 мая. Родилась в городе Благовещенске, хотя все основные корни Афиногеновых-Кублинских - во Владивостоке. Ее отец Александр Алексеевич - человек военный. Для него передвижение по стране было делом обычным. Старший брат Май - Юрий - родился во Владивостоке, а младший - Алексей, аж в Христиновке, под Уманью, куда перевели отца перед войной. Там, на Украине, все трое успели поучиться в украинской школе. Уже перед нападением фашистской Германии на СССР случился еще один переезд - в Новоград-Волынский, на самую границу.

*Наша дружная семья:
Мая, Федя и я. 1981 г.*

И когда началась война - это страшное несчастье, отец Май, Александр Алексеевич, начальник службы обеспечения артиллерии дивизии Рокоссовского, находился в самом центре боевых действий. А семья на грузовом автомобиле была отправлена в тыл в первый день войны.

Время частично выветрило из памяти многие картины той страшной поездки, но им все же повезло, они всей семьей выбрались невредимыми. Об отце за все время, прошедшее с тех дней, ничего не удалось узнать. Он погиб в первых боях.

Немало тяжких воспоминаний осталось от эвакуации в Оренбургскую область. Три жутких зимы вспоминаются как самые кошмарные за всю жизнь. Степные ветры и жестокие морозы, одежда «на рыбьем меху» и хлеб из отрубей. Там схоронили бабушку Пелагею Ивановну, мать отца, которая прошла Гражданскую войну в армии Буденного, была у Семена Михайловича бесшумной кухаркой.

Юрий, закончив школу, сразу же поступил в Бугурусланское военное училище, закончив которое, был направлен на действительную службу в Австрию. Но повоевать ему уже не пришлось, война закончилась.

1944 год. Украина освобождена. Марина Владимировна вместе с Маей и Алешей решили вернуться в места бывшей службы Александра Алексеевича, но уже не в Умань, а под Киев с северной стороны - в Борисполь, туда, где сейчас Бориспольский столичный аэропорт. Приехали, а там еще продолжалось разминирование. Марину Владимировну назначили начальником политотдела машинно-тракторной станции, дали квартиру, ребята пошли в школу. А Марина Владимировна моталась по селам, по полям, от трактора к трактору, от одного комбайна к

другому. И некогда было ей ни детьми заниматься, ни хозяйство вести.

Но все шло своим чередом. Алексей был еще мал хоть и старался что-то сделать. Все заботы о поросенке и курицах, о еде и топке, все это легло на Маины плечи.

Как ни старались найти следы Александра Алексеевича, ничего не удавалось. А тяга в Приморье, во Владивосток, на родину, не проходила, со временем становилась все более острой. Марину Владимировну никак не хотели отпускать с работы, а, с другой стороны, Владивосток все еще был закрытым городом. Со временем, при большой настойчивости родителей, сестер, братьев Марине Владимировне удалось пробить все сложные вопросы, и семья оказалась во Владивостоке. Здесь все было по-другому: ря-

Мая Александровна на открытии выставки Павла Конюхова 2007 г.

дом столько родных людей, Марина Владимировна получила хорошую работу в тресте столовых, дети пошли учиться в нормальные школы. Хоть и тесно было жить в одном домике, но не было обид. А вскоре крупно повезло и в этой части - семья получила квартиру почти в центре города, недалеко от железнодорожного вокзала.

Мая после окончания десятилетки поступила на историко-филологический факультет Дальневосточного педагогического института. Работала в средней школе Владивостока, затем в краевом комитете комсомола.

В характере у Май к этому времени сформировались две ярко выраженные черты, взятые у матери и у бабушек - Лукерьи и Пелагеи. Одна - это желание всех приголубить, обогреть и накормить. Ей больше всего импонировали слова бабушки Лукерьи, обращенные к ученикам, пришедшим со школы: «А вы ешьте, ешьте, а теперь полежите, поспите, все образуется, все будет хо-

рошо, уроки выучите, наиграетесь». А вторая черта - это упорство. Не упрямство, а именно упорство в достижении цели, которое позволяло ей решать многие поставленные перед ней задачи, выдерживать все тяготы командировок по самым глухим местам Приморского края. Видимо, эти черты характера и сыграли главную роль, когда решался вопрос о том, чтобы взять Маю на работу в Крайком комсомола.

Мая считала для себя большим счастьем, что ей очень везло на хороших учителей. Это были Геннадий и Юрий Соколовы, секретари крайкома ВЛКСМ, Василий Яковлевич Кучерук, первый секретарь Ленинского райкома партии, позже - заведующий отделом пропаганды Крайкома КПСС Борис Николаевич Жмакин, зав. орготделом крайкома И.К. Елизарьев. У каждого из них она училась не только приемам работы, но и урокам жизни.

Именно это обеспечило ей постоянный рост на тех постах, куда ее посылали: заместитель, потом заведующий отделом крайкома ВЛКСМ по работе среди учащейся молодежи, секретарь крайкома комсомола, секретарь Ленинского райкома партии по пропаганде. После окончания Высшей партийной школы в Москве ее назначают заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома партии. А через десять лет избирают заместителем председателя крайисполкома Приморского краевого Совета народных депутатов трудящихся. В этой должности ей достался знакомый участок работы - это, прежде всего, культура, народное образование, медицина.

Но дал ей Бог талант - понимать людей, уметь помочь им, разобраться без «керосина» в трудных ситуациях. А ведь люди культуры, образования и медицины - это, как правило, публика особая, работать с которой очень нелегко. И вот как раз в этих условиях при организации крупнейших мероприятий на протяжении многих лет ей удавалось сохранить самые добрые отношения с людьми. За многие годы мы никогда не слышали от нее плохих отзывов о тех, с кем приходилось работать.

Известен и ее материальный вклад в историю города Владивостока. В годы войны комсомольцы и молодежь края собирали средства на танковую колонну «Комсомолец Приморья». Накануне 40-й годовщины Победы возникла идея поставить на пьедестал возле Дома молодежи танк «Приморский комсомолец». А

где взять тридцать четверку? И тогда Мая Александровна договорилась с командующим Дальневосточным военным округом, будущим министром обороны Язовым Д.Т., и Т-34 был установлен на пьедестале.

Впервые я познакомился с ней году в 1955-м. Она приехала в Находку ранней зимой со своей подругой Людмилой Иващенко, тоже комсомольским работником. Ввалились ко мне в кабинет как два медвежонка, облепленные снегом с ног до головы, со смехом, и стали требовать, почему я не прекратил снег к их приезду. Я работал тогда первым секретарем Находкинского горкома комсомола и должен встречать гостей, как следует.

Посмеялись, отогрелись, поговорили о делах. А когда надо было расставаться, то обнаружилось, что шапка Людмилы на раскаленной батарее совсем скукожилась и на голову не лезет. Всю жизнь при каждой встрече мы с ней начинали разговор о том, когда я ей куплю шапку взамен засохшей.

*Наша дружная семья: Мая, Федя и я.
1996 г.*

Второй раз мы встретились с Маей через восемь лет, в доме культуры железнодорожников Владивостока, где праздновалось 40-летие Приморского комсомола. Весь вечер танцевали с ней, много смеялись.

А третья встреча состоялась в середине 1969 года, когда я переехал во

Владивосток - из городской газеты меня перевели на Приморское радио. Потом было много-много встреч, которые закончились через год свадьбой.

Оба мы уже давно на пенсии, но продолжаем трудиться. Мая создала и возглавила Приморский краевой фонд культуры. Все так же пригревает таланты, а они в наше чересчур трудное время, как никогда, требуют тепла и заботы. Ее трудами удалось помочь

многим талантливым детям. Некоторые из них стали мастерами искусства.

Фонду культуры удалось наладить многие связи с подобными организациями Японии, Китая, Кореи. Она принимает участие в работе издательства «Народная книга». Она организатор и главный вдохновитель издания «Приморского энциклопедического словаря», что стало хорошим вкладом в историю и культуру края. По ее инициативе была издана юбилейная книга стихов И.Мандельштама, которую я составил и отредактировал. Уже много лет проводятся вечера «Благодарная память», посвященные работникам культуры, внесшим известный вклад в развитие культуры края, но давно ушедших от нас. За пропаганду творчества нашего великого земляка А.А. Фадеева Мае Александровне в январе 2002 года была присуждена золотая медаль Александра Фадеева и вручена в Москве, на торжественном собрании, посвященном столетию со дня рождения А. Фадеева. Недавно Ей присуждено звание «Заслуженный работник культуры России».

РАДИО ДЛЯ ВСЕХ

Инна Лебедева пришла на радио почти одновременно с Анатолием Лебедевым. Он - в радиостанцию «Тихий океан», она - в молодежную редакцию. Он - и журналист, и поэт, и литератор, и немного художник, да еще и с авангардными замашками, впоследствии известный защитник природы. А она - москвичка, трудяга, с хорошей искрой в голове, родители - тоже журналисты. До нас работала на Севере. Вскоре ее перевели в пропаганду, и это было правильное решение, поскольку она из комсомольского возраста уже выросла. Почти в это же время пришла в редакцию Люба Щербина, удивительно надежный человек! Почти два десятка лет мы проработали бок о бок на радио, а затем на телевидении и всегда находили поддержку друг в друге.

А времена были достаточно трудные. И в смысле возможности иметь свое мнение, и в смысле цензуры. Мы вели пропаганду на Китай, Японию и Корею. Но это были передачи на языках этих стран. А вот на русском - только официальные материалы. Среди наших постоянных авторов, которых мы использовали для ино-

вещания, были специалисты контрпропаганды из штаба Тихоокеанского флота Николай Беззубченко, Николай Иващенко и еще несколько офицеров, хорошо знающих китайский, корейский, японский и, конечно, английский языки. Они слушали передачи соседних стран, получали прессу, так называемый перехват, и были в курсе всех событий, чего мы были в то время лишены. Мы просили помполитов тех судов Дальневосточного пароходства, которые заходили в иностранные порты, привозить для нас газеты и журналы, но это был мизер, причем часто очень запоздалый. Использовать же только материалы информационных вестников, приходящих к нам в пакетах, смысла не было, все они публиковались в центральных средствах массовой информации. И мы решили готовить передачи силами своих авторов, не спрашивая особого на то разрешения.

Более трех лет, пока не началась компания открытой контрпропаганды по всей стране, свои выпуски мы давали в эфир и получали хорошие отзывы не только от пропагандистских организаций, но и от рядовых слушателей. Потом стали готовить такие передачи и на телевидении. И, когда во Владивостоке проходило Всесоюзное зональное совещание по проблемам контрпропаганды, наша инициатива была отмечена. Более того, Государственный комитет по телевидению и радиовещанию заслушал отчет нашего Приморского комитета о формах и методах пропаганды советского образа жизни и отметил в том числе и нашу программу «Меридиан» и шефство над ведущими стройками края, и контрпропагандистскую работу.

Безусловно, очень важно, чтобы твоя работа была замечена. Я считаю, что сегодня допускается страшная промашка и в производстве, и в общественной жизни, когда упускается, а иногда даже высмеивается идея соревновательности как движущая сила развития, любого дела. А мне и сегодня приятно вспомнить, как мы освещали ход строительства ведущих объектов края, раскрывали опыт лучших предприятий, и наши лучшие редакции и журналисты в том числе и я были награждены Медалями и Дипломами Выставки достижений народного хозяйства СССР. Наш опыт был освещен в журнале «Телевидение и радиовещание».

Для меня важным был момент прихода в редакцию пропаганды Татьяны Павловой, работавшей еще недавно в артемовской газете, (ее мужа, военного авиатора, перевели во Владивосток). Она достаточно быстро освоила специфику радио и стала готовить интересные материалы, в том числе и контрпропагандистские. Мы с ней затеяли новый радиожурнал «Меридиан», который давал нам возможность регулярно готовить очерковые материалы об интересных людях и немного потеснить чисто пропагандистские темы. И еще: журнал хорошо оформлялся музыкально, а это значительно меняло характер восприятия радиопередач (режиссер Лариса Орлова).

Уж кто заслуживал самой высокой награды за стойкость и мужество, так это редактор передач для воинов Советской Армии и Флота Римма Мордовцева. Наверное не было на Дальнем Востоке такого уголка, где служили наши воины, чтобы там не побывала Римма Алексеевна. Не просто побывала. Во время событий на острове Даманский она была практически на передовых позициях, насколько это позволяли ей пограничники. Ни морозы, ни слякоть, никакие другие трудности не могли стать ей препятствием, если она решила взять нужный материал для программы «Слушай воин, слушай солдат».

В других редакциях, входивших в главную редакцию пропаганды, было немало таких же интересных людей. Елена Кантакузова, кстати, тоже выходец из Артема, работала сначала в краевой молодежной газете, я помнил ее еще по комсомольским делам, и вот уже много лет «пахала» в сельской редакции радио. Не смотря на больную ногу, она моталась по всему краю, забираясь в самые дальние уголки со своим пятикилограммовым магнитофоном. Зато потом с вдохновением рассказывала о встречах с интересными жителями далеких деревень и они становились настоящими героями дня. И селяне с большим уважением всегда относились к журналистам, рассказывающим об их нелегком труде. Характер у Кантакузовой достаточно трудный, но чего не вытерпишь ради дела? Когда она переписывала свои пленки, то каждому заходящему в аппаратную обязательно давала послушать самые интересные, на ее взгляд, кусочки пленки и восклицала при этом; «Ты послушай, послушай, как он говорит!» Казалось, ее меньше волновало то, о чем говорит герой ее передачи, а

*Коллектив радиостанции «Тихий океан» отмечает юбилей.
Фото по случаю. 1971 г.*

Году, кажется в 73-ем, в сельскую редакцию пришел Николай Зайцев. Он приехал к нам из Амурской области, имел достаточный багаж радиной работы, его назначили старшим редактором в редакцию сельских передач и он активно взялся за дело. Его редакция не доставляла особых хлопот, поскольку он быстро освоился в производственных делах, а поиск героев для него труда не составлял. Он был человеком контактным, быстро ориентировался на местности и делал толковые, привлекающие внимание передачи для сельских тружеников. И для руководства тоже. Был грешок насчет выпивки, но у кого при такой работе не было? Зайцев умел варить превосходный самогон тройной очистки, который пользовался высокой оценкой у «авторитетных» товарищей. Выйдя на пенсию, Николай Александрович уехал на родину, в Псковскую область, и вскоре мы получили грустное известие - его не стало.

Когда Семен Владимирович приехал в очередной раз из Москвы после совещания по вопросам освещения на телевидении и радио развития производства товаров народного потребления и бытового обслуживания трудящихся, он тут же собрал нас и поставил всем редакциям свои задачи. Никого не обошел. А мне поручил разработать программу и при промышленной редакции создать самостоятельную редакцию, которая будет освещать как выполняется постановление Пленума ЦК КПСС в Приморье. Вскоре в эфире зазвучали передачи с несколько замысловатым, но точным названием: «Забота

твоя, моя, наша». Возглавила редакцию Алла Прозорова, проработавшая до этого в редакции пропаганды несколько лет. Трудновато ей было с ее удивительно мягким характером. Она страшно стеснялась, когда приходилось разбираться в запутанных проблемах бытового обслуживания, да и в других чисто производственных проблемах, но у нее хватало терпения, настойчивости разобраться и дать в эфир интересную передачу на важную тему. По-настоящему красивая женщина с удивительной фигурой, вызывающей у мужчин естественный интерес, она очень деликатно и как-то очень тонко умела поставить даже самого настырного ухажера на место и продолжать свое дело. После радио Алла Сергеевна несколько лет трудилась в Дальневосточном отделении ТАСС. Потом ее перевели в сектор информации администрации Приморского края.

В дальнейшем эту редакцию возглавляли Валентина Байкалова и Любовь Надежина. Обе оставили заметный след в эфире, каждая по-своему привлекая слушателей к важным проблемам нашего быта и развития легкой промышленности. Люба Надежина оставила о себе память еще и тем, что была несколько лет председателем профкома комитета по телевидению и радиовещанию и делала немало добрых дел для всего коллектива. При этом основная работа, в общем, не страдала. Затем ей была доверена объединенная редакция писем, созданная в комитете. Вместе с Любой мне довелось провести несколько дней в Москве, где я был на учебе, а она - на консультации у врачей. Вместе мы съездили в Онкологический центр. Там на лечении находился Павел Ильич Шварц. Нелегко говорить о таких встречах, хотя на самом деле это было прощанием. Еще труднее сказать то, что в скором времени мы схоронили и Любу Надежину на Морском кладбище. Добрая им память.

Жизнь в комитете кипела страстями на всех уровнях. Она в полном смысле слова отражала все происходящее в крае. Менялись секретари крайкома партии, ведающие пропагандой и ведущие отделом пропаганды, менялось и отношение к нам. Во времена правления П. Антохина, когда моряки стали привозить из-за рубежа в больших количествах новинки современной музыки, нам в категорической форме рекомендовали не использовать их в радиопередачах. От этого у нас возникало еще больше желания поставить какую-нибудь песню Битлз или еще каких-либо исполнителей, произведения которых сегодня стали классикой, а тогда нам за это крепко перепало.

Именно в те времена была проведена, можно сказать, историческая рокировка: на первое место в Государственном комитете было поставлено телевидение. Началась во всей системе телевидения и радиовещания кадровая перестановка. Если вчера первым заместителем Семена Владимировича Юрченко был заместитель по радио Павел Федосеевич Марченко, то почему при новом порядке он должен стать вторым? Понятна горькая обида Валентина Александровича Ткачева - телевидение стало на первое место, а его, телевизионщика, как он считал, до мозга костей, «задвинули» на радио. Коллективы телевидения и радио тоже недоумевали. Но приказ есть приказ.

Для меня лично, как показала практика, появление Ткачева на радио, имело свои преимущества и свои сложности. Как талантливый журналист и хороший организатор, он захотел все сразу перестроить. Причем, войдя во вкус телевизионной работы, он слегка забыл свой старый путь радииста и стал к нам относиться достаточно пренебрежительно. Вместе с тем, будучи человеком предельно честолюбивым, он старался не позволять никакого панибратства, не делать никому скидок. Я никак не собирался пользоваться нашей старой, еще находкинской дружбой, и его приглашением, в свое время, на телевидение. Даже наоборот, старался держаться на расстоянии. Он же своим поведением все время подчеркивал: знай свое место.

По предложению Валентина Александровича была создана новая передача - «Эхо дня». Это тоже было явлением для тех времен: передача шла в эфир без подписи цензора! Отобрав группу журналистов, в которую входил и автор этих строк, Ткачев поручил ей готовить короткие обзоры наиболее важных новостей, поступивших на радио и телевидение за день.

Этими обзорами заканчивалось вещание. После каждого обзора значилось: у микрофона был журналист такой-то. И только обзоры, который готовил сам Ткачев, заканчивались словами: «у микрофона выступал комментатор Валентин Ткачев». И тут он не хотел быть таким, как все. В общем-то он и не был таким как все. Он тонко чувствовал обстановку, умел острее отреагировать на событие или установку руководящих органов, умело рекомендовал формы и способы подачи нужного материала. Но страшно болезненно относился ко всякому критическому замечанию в свой адрес, особенно от краевых властей и некоторых

его представителей. И, в то же время, был в общем беспощаден в своей критике, не обращая внимания на то, как воспринимают люди его замечания или высказывания. Ему прощалось многое, потому, что работники радио и телевидения понимали, что в конечном итоге его требования были ради дела.

В скором времени и работники крайкома поняли, что именно Ткачеву место на телевидении. Марченко же возвращать назад не было никакого смысла и он был назначен начальником управления культуры крайисполкома, а на место заместителя председателя комитета по телевидению и радиовещанию был направлен бывший секретарь Фрунзенского райкома партии города Владивосток Сергей Петрович Муромцев. Он был когда-то редактором районной газеты Черниговского района и немного времени заведовал сектором печати сельского крайкома партии. Конечно, после Ткачева Муромцев выглядел, мягко говоря, бледно. Но весь коллектив радио был весьма квалифицированным и поэтому особых сбоев в работе не наблюдалось. Зато стала проявляться другая тенденция: пока Сергей Петрович входил в курс дела, стали все громче раздаваться голоса тех, кому раньше не позволяли особенно расходиться, потому, что чаще всего на летучках и других коллективных мероприятиях их заботой было не дело, а сведение личных счетов. Со временем эти страсти улеглись.

В середине 1976 года для меня наступили новые времена: меня перевели главным редактором главной редакции информации на телевидение. За весь почти тридцатилетний стаж работы у меня не было ни одной записи в трудовой книжке об увольнении. Была только одна записка о поездке на учебу, все остальные переводы. Особого желания переходить на телевидение у меня не было, но Семен Владимирович убедил меня в этом.

ФРОНТ НОВЫЙ, А ЗАДАЧИ ТЕ ЖЕ

Нельзя сказать, что переход на телевидение явился для меня чем-то чересчур новым. Большинство работников редакции информации были мне достаточно знакомы. В редакции краевых известий «Автограф дня» работали редактором Борис Кожинов, с которым у меня ранее был достаточный контакт, Валентина Бычкова, совсем молодой редактор. Старшим редактором был Борис

Шварц, сын Павла Ильича. Когда-то на телевидении в информации работали три Бориса: Борис Максименко, Борис Лившиц и Борис Шварц. Лихие были ребята! Они оставили о себе память, как о самой оперативной группе, когда-либо работавшей на нашем телевидении, ну и у девушек телевидения, и не только, они тоже оставили добрую память. Между тем жизнь течет. Бориса Максименко послали собственным корреспондентом Всесоюзного телевидения и радио в Амурскую область, главным образом для освещения ведущей в то время стройки страны - БАМа. И Максименко справился с этой задачей, ему, в конечном итоге, была присуждена Государственная премия. Борис Лившиц увлекся написанием сценариев телевизионных фильмов и перешел в сценарный отдел «Дальтелефильма». И только Борис Шварц остался верен редакции. Я прекрасно понимал, что Борис претендовал на должность главного редактора и вполне бы тому соответствовал. Но это было не в моей компетенции.

Борис Шварц умел работать. Циклы передач, посвященные юбилею Великого Октября, остались в видеозаписи как настоящие телевизионные фильмы и, естественно, были переданы на постоянное хранение. Где сейчас эти видеозаписи постоянного хранения?

Старшим редактором телевизионной газеты «Вечерний Владивосток» в тот период работал Сергей Литус, редактором - и Валентина Воронова. Еще первые занятия университета рабкоров при газете «Шахтер» посещал Сергей Литус. Его нельзя не запомнить. Высоченный, с клинообразным лицом, широкими бровями и невысоким лбом, он постоянно крутил в руках карандаш или какой-либо другой предмет. Но главным отличительным качеством Сергея можно считать самоуверенность и удивительное упрямство, переходящее нередко, в какую-то маниакальность. С этими качествами мне пришлось столкнуться уже на первых порах работы главным редактором информации телевидения. Решать практически любые вопросы становилось чрезвычайно трудным делом. Литус воспринимал любое замечание или несогласие с его точкой зрения, как выпад против него лично. И, когда при очередном выяснении отношений, Литус написал заявление об освобождении его от обязанностей старшего редактора, я вздохнул с облегчением. Впоследствии он был и старшим редактором, и главным, но всегда оставался Литусом, твердока-

менным, громко отстаивающим свои позиции. А позиций-то и не было. Начали орать так называемые демократы - Литус там. Поманил Черепков - Литус готов ему служить.

Но надо было срочно искать замену Литусу на должности старшего редактора. И я решил предложить на эту роль Валентину Коробееву (Воронову), работавшую в тот период редактором в программе «Вечерний Владивосток». Воронову я знал уже довольно длительное время. Еще в 1968 году она проходила производственную практику в газете «По пути Ленина». Она не могла не запомниться: броско симпатичная, нагловатая, достаточно остро мыслящая, не лезущая за словом в карман, она четко видела, что ей надо.

Второй раз я столкнулся с ней опять же по делам университетским. Она «проходила» очередную практику. На сей раз это было задание написать реферат об освещении в СМИ жизни села и сельскохозяйственного производства. Практику она проходила вместе с Александром Брюхановым, которого я знал еще литературным сотрудником уссурийской газеты «Коммунар». Кафедра журналистики попросила меня принять у них практику в виде собеседования. Но оба практиканта решили, что они все знают, все понимают, а тут какой-то бывший артемовский газетчик чего-то требует. Пришлось их немного поприжать. И натянутость отношений от этого общения осталась надолго, особенно с Брюхановым.

Валентина Воронова работала с Виктором Феоктистовым, когда он был главным редактором информации на телевидении, я думаю, многому у него научилась. И, в то же время у нее остался синдром боязни живого эфира. Даже при записи простого сюжета она вся краснела и белела, чего в обычной жизни с ней не случалось. Я почти силком заставлял ее выходить в эфир сначала на малых сюжетах, а потом и целых программах. И у нее стало получаться. Когда же настал момент необходимости постоянно вести программы, Валентина практически была к этому готова. Если бы еще знать, какие номера она станет отмачивать в будущем? Но кому это дано?

На телевидении многое было не таким как на радио. Не в смысле технологии - это само собой. Другим был коллектив. Более творческим, более интересным, и, самое главное, более дружным, хотя сложность работы, как правило, затрудняет отношения между людьми. А сложностей было - хоть отбавляй. Именно в

период начала моей работы на телевидении совпал с периодом реконструкции и помещений, и оборудования. Началось возведение здания пятой телестудии, которое было практически больше по объему всего старого здания телевидения. Сложность заключалась и в том, что к этому времени пришло в негодность и здание, и оборудование первой студии. Выход был найден в приспособлении к вещанию бывшей дикторской студии, в которой по правилам больше трех человек нельзя было приглашать. Но это по правилам. А жизнь есть жизнь. Кому какое дело до наших сложностей? Экран должен светиться!

Группа «коренных» телевизионщиков. Первый ряд: Галина Островская, Валентина Воронова, Тамара Жарикова, Галина Медведева. Второго ряда: Борис Шварц, Анатолий Субботенко, Владимир Игнатенко, Иван Гурко, Юрий Беззубник. 1976 г.

Был найден еще один, можно сказать, отличный выход: под вещательную аппаратную был приспособлен автобус передвижной телевизионной станции. Под окна нашего холла, где проходили летучки и разного рода собрания, специалисты нашей технической службы подогнали автобус ПТС (передвижной телевизион-

ной станции), подняли его на уровень оконных проемов, соорудили переходные лестницы и стали записывать и выдавать в эфир программы. А первую студию поставили на полную реконструкцию. Телезрителю не было ровным счетом никакого дела до того, как мы лазили в свой телеавтобус и как мы теснились в маленькой студии почти полтора года. Зато потом мы перебрались в новое здание и разместились там по-человечески, реконструировали первую студию, а потом взялись общими усилиями доводить до ума и пятую студию. Я говорю так, потому, что мы не раз и не два принимали участие в субботниках и воскресниках.

Помогали строить новую телестудию и личным трудом во главе с председателем комитета. 1978 г.

гих журналистов, добился создания исторического фонда видеоматериалов. В общем, трудился практически до последних дней.

А пока... Пока мы размещались в помещениях старой студии, несколько редакций располагались в Доме радио. Сейчас это все вспоминается не теми трудностями, с которыми мы сталкивались, а тем интересом, с которым мы решали каждую большую и малую проблемы телевизионного вещания. Именно в этот период произошли большие перемены. Семен Владимирович Юрченко и по возрасту, и по состоянию здоровья попросился на пенсию. Правда, полностью на отдых он не ушел, остался на должности редактора в сценарном отделе «Дальтелефильма». И там он остался верен себе: начал готовить материалы для создания истории Приморского радио и телевидения, включил в эту деятельность мно-

Председателем комитета по телевидению и радиовещанию был утвержден Валентин Александрович Ткачев. За этим потянулись и следующие передвижки: заместителем председателя комитета по телевидению назначили Ирину Владимировну Стрельникову, меня – главным редактором общественно-политических телепрограмм, главным редактором информации перевели из «Тихого океана» Виталия Ивовича Солдатова, Бориса Павловича Шварца назначили старшим редактором редакции пропаганды телевидения.

Кадры на радио и телевидении росли очень быстро. Здесь всегда были возможности показать, на что ты способен. Ирина Владимировна Стрельникова, как и большинство работников телевидения на первоначальном этапе становления начинала в 1957 году редактором радио в редакции детского вещания. Была старшим редактором. А через десять лет с хорошим опытом ее перевели главным редактором художественного вещания на телевидение. Через два года она уже главный редактор общественно-политических программ на телевидении, и в этой должности проработала почти восемь лет. Очень уравновешенная, не позволяющая даже при большом керосине срываться, всегда доброжелательная, она пользовалась в коллективе уважением. С ней можно было и поспорить, зная, что она никогда не припомнит со злом какие-нибудь неприятные моменты. В общем, работать с ней было интересно. Атмосфера, которая царила в период ее «правления» давала возможность не только интересно работать, но и не менее интересно отдыхать. Мы проводили чудесные вечера, запоминающиеся выезды на природу по случаю международных праздников, а иногда и по случаю чьего-то юбилея.

На телевидении не бывает размеренной текучки. Коллективная творческая работа уже сама по себе предполагает самое сложное отношения между людьми и множество таких моментов, которые не только рождают конечный результат, но и дают множество стрессовых состояний.

И ТОГДА ФЕДОР ПРЫГНУЛ ЗА БОРТ...

Гурко Федор Иванович родился и вырос во Владивостоке. Мечтал стать моряком. После окончания факультета журналистики Дальневосточного государственного университета пошел

работать сначала в информационный центр администрации края, а потом в информационное агентство ИТАР-ТАСС. Там он тоже проработал немного. Наконец, выбор пал на газету «Владивосток», где Федор трудится несколько лет. Стал ведущим журналистом в области криминальной хроники. Участвовал во множестве операций по борьбе с бандитизмом, с распространителями наркотиков, с подпольными производителями спиртных напитков, с браконьерами на море. Получает много благодарностей и подарков от всех силовых служб.

В августе 2002 года за участие в выпуске юбилейной книги к 70-летию контрразведки Тихоокеанского флота был награжден именным кортиком от имени руководителя контрразведки ВМФ России.

«Комсомолка» писала в августе 2002 года: «Приморский репортер Федор Гурко спас в ледяном море тонущего человека. Проводился рейд Госинспекции по маломерным судам. На небольшом водолазном катере в море вышли два инспектора и журналисты газеты «Владивосток». В бухте Тихой инспектор Владимир Поддубный высадился на моторку, чтобы проверить документы у явно нетрезвого владельца. Катер направился дальше. А тем временем, хозяин лодки полез на инспектора с кулаками. В результате короткой потасовки Поддубный вылетел за борт.

Температура воды в заливе – около пяти градусов. Водолазный катер – посудина неуклюжая. Когда подошли к инспектору Поддубному, тот уже не шевелился и начал помаленьку уходить под воду. Всё решали секунды, – рассказывает фотокорреспондент Юрий М., – минут двадцать нужно было, чтобы подойти к нему поближе. Я видел, что Поддубный уже ничего не соображает и его вот-вот утянет на дно. И тут – никто даже толком понять ничего не успел, Федор бросился в воду!»

Федор Гурко пришел на помощь в момент, который мог оказаться роковым. Прыгнул не раздеваясь, подплыл к инспектору и выдернул его на поверхность воды.

Обоих пловцов подняли на борт катера, инспектора привели в чувство – растерли – он ожил. На следующий день и не чихнул даже.

Лодочника-обидчика сегодня разыскивает милиция. А Федор, в свободное от газетных дел время, большой любитель подводного плавания скромничает:

- Да какой там подвиг – Само собой вышло... Просто моря не надо бояться.

Уже несколько лет Федор работает на телевидении. Тематика его репортажей та же – борьба с криминалом.

ПЛОДЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Трудностей в работе хватало. Но трудовые будни преодолевались общими усилиями. А мне они сыпались, как говорят, прямо на голову и особенно сложные времена начинались, когда Ирина Владимировна болела. Тогда обязанности заместителя председателя комитета по телевидению автоматически ложились на мои плечи. А случилось это иногда до девяти месяцев. В это же время лежал в больнице и председатель комитета Валентин Ткачев, его замещал Сергей Муромцев, зампред по радио. И это приходилось на времена важных краевых и союзных мероприятий, в том числе и приезды Л.И. Брежнева во Владивосток. Весь коллектив напрягался в единый кулак и работал как часы.

Телевидение в те времена располагало очень значительным аппаратом: штат главной редакции информации, главной редакции пропаганды, главной редакции вещания для молодежи и художественного вещания. И в каждой из них – несколько редакций. Например, главная редакция пропаганды состояла из собственно редакции пропаганды, промышленных телепередач, направленных передач, для работников сельского хозяйства и для воинов армии и флота. И, как правило, журналисты редакций были достаточно высокими профессионалами, работали по много лет, были патриотами своих редакций. Особенно хотелось бы отметить Нину Ильиничну Кузнецову, Анатолия Ивановича Желтикова, Бориса Павловича Шварца, Нели Николаевну Чекризову, Галину Михайловну Самигулину, Любовь Федоровну Надеждину, Веру Сергеевну Гончарову, Галину Михайловну Медведеву. А еще нельзя забывать режиссерскую группу, телеоператоров, звукорежиссеров, без которых нет телепередач. Я хотел бы подчеркнуть телепередач. Сегодня на модных телестудиях практически нет телепередач, есть информационные программы, выпуски и сообщения.

Телепередачи предполагали достаточно глубокое освещение жизненных явлений в разных областях – общественных, политических, экономических, как правило: с кино и телесъемками на местах, приглашением участников в студию и обстоятельный разговор.

Такая работа требовала от журналистов хорошей подготовки, умения преодолевать всевозможные лишения и трудности. И, как правило, тележурналисты, режиссеры, операторы это преодолевали и, в конечном итоге, получали благодарность телезрителей.

Но все это ушло в прошлое. Сегодня знакомые люди, особенно работники сельского хозяйства, об этом вспоминают с тоской. Доярки жалуются: «Раньше наш труд видели, ценили, рассказывали о нас, нам легче было в жару и стужу идти в пять часов утра и тянуть коров за сиськи, а сегодня никто не видит нашего труда, не скажет доброго слова».

Да действительно, тогда было много передач о людях труда, об уважении к своей профессии. И журналисты всегда это чувствовали и вкладывали в дело весь свой талант.

Но были и другие времена. Особенно тяжело пришлось с началом так называемой «демократизации». Еще никто толком не понял, что происходит, но многие стали показывать, что они тоже не лыком шиты и умеют бороться за «свободу». Чаще всего начинали искать свободу именно те, кто сам не умеет подчиняться. У нас это стали особенно ярко демонстрировать Валентина Воронова и собственный корреспондент ПТР по Находке Михаил Вознесенский, когда их объединили в одну редакцию. В конечном итоге, когда дело дошло до прямых провокационных выступлений, их заслушали на заседании комитета по телевидению и радио и решили, что им не место в комитете.

М. Вознесенский перевелся в Москву, Воронова ушла в информацию местного радио «Лемма», где она вела самые скандальные передачи.

Я получил, в свое время, письмо от старого знакомого из Артема П.С. Занькова. «Скажу откровенно, я к журналистам отношусь (к таким как Воронова), как к предателям. Это они сделали все, чтобы развалить великую Родину СССР, советскую власть расстрелять прямо в здании Верховного Совета, а простого человека унижить и превратить в нищих, рабов, слуг «новых русских», а, вернее, ворюг. За счет разграбления народного добра, с позволения режима Ельцина, эти «новые русские» превратились в господ, а русский Иван опять быдло. Честный труд никому не нужен. Шахтеры месяцами не получают зарплату и ведут нищенский образ жизни, а тележурналисты и радио, да и многие газеты – пичкают

нам Наздратенко и Толстошеина, а это первые ворюги, и пока они будут у власти, народу не видать ничего хорошего. Я не знаю о твоей роли в то время, но уверен, что ты не Воронова».

Приморское телевидение, не смотря на все ветры, продолжало свою работу по освещению жизни края в своей основе с принципиальных позиций. Оставил свой пост в связи с болезнью Валентин Александрович Ткачев. Ушла на пенсию Ирина Владимировна Стрельникова.

Чтобы угостить хороших людей свежей ухой, надо и в декабре уметь достать свежей рыбки. Вот я и нырнул на Тавайзе, хотя Ткачев и Стрельникова не верили в удачу. Декабрь 1988 г.

деталь: сектор печати крайкома партии в это время возглавил В. Бакшин, работавший ранее в зональной газете для рыбаков. Начались подробнейшие рассмотрения каждого нашего плана, стали проводить аттестации всех литературных сотрудников, вплоть до заместителей председателя комитета. Бывший наш собкор по Се-

Исполняющим обязанности председателя комитета исполнял зампред по телевидению Борис Максименко. В принципе человек достаточно опытный, знающий журналист. Но именно в это время произошли известные перемены в крайкоме партии.

Секретарем по вопросам пропаганды стал бывший зав организационным отделом крайкома Виктор Чернышев. Мы знали его еще как секретаря Кавалеровского райкома партии. Откровенно говоря, его трудно представить солидным идеологическим работником, точно так как и его предшественника А. Софронова. Поэтому и досталось нам в это время по первое число. И еще одна

верным районам Геннадий Петелин, ставший инструктором сектора печати, приходил в комитет с гордо поднятой головой и задавал вопросы, типа: «Ну, как тут у нас дела?» Это была картина!

Нам, сотрудникам краевого радио и телевидения, достаточно часто приходилось общаться с работниками, как говорят, высших инстанций. Подчас это были достаточно глубокие и интересные разговоры. Иногда приходилось писать за них выступления на радио и телевидение. Но, как правило, в своих целях никогда не использовали. Закономерно, не без исключений конечно.

Общественная работа в комитете по телевидению и радио шла своим чередом. Торжественное собрание посвященное 55-летию Великой Победы.

Особый случай – Инна Лебедева. Еще будучи главным редактором общественно политических программ радио я принимал ее на работу в редакцию молодежных программ. Москвичка, поработала и в магаданских редакциях, она приехала во Владивосток вслед за мужем Анатолием Лебедевым, принятым ранее собкором в редакцию радиостанции «Тихий океан». Толковая, с хорошим журналистским опытом, чувством товарищеского локтя. Но прошло время, она разошлась с Анатолием, вышла замуж за журналиста из газеты «Боевая вахта» и уехала с ним в Советскую Гавань. А через несколько лет вернулась во Владиво-

сток. Инна оказалась не у дел. Я стал просить И. Стрельникову взять Лебедеву в редакцию пропаганды редактором. Уговорил. Лебедева была очень довольна и достаточно быстро вошла в курс дела, освоила телевизионные премудрости и вскоре ее назначили старшим редактором. Оставалась всегда такой же общительной, доброжелательной. Но после моего перевода в Дальтелефильм ее вскоре назначили главным редактором, а через некоторое время и заместителем председателя по телевидению.

И тут что-то произошло с нашей Инной Евгеньевной. Когда она поплотнее познакомилась с губернатором Наздратенко, то её и вовсе нельзя было узнать: ну чисто москвичка не в самых лучших проявлениях. К ней просто нельзя было подойти. И, наконец, вершина преобразования: она втерлась в доверие Наздратенко, он, при переводе в Москву, забрал ее к себе в аппарат, и она вычеркнула всех нас из памяти.

В Москве огромная диаспора приморцев, в разное время оказавшихся в столице, по большей части это выдвиженцы по службе. И уже много, много лет существует неписанный закон: собираться по важным случаям обычно у Большого театра, в других местах, но никто не видел там Лебедеву.

Самые именитые творческие коллективы не отказывались выступить перед телезрителями нашей студии. И, естественно, сфотографироваться с членами нашего коллектива. В том числе и знаменитый МХАТ. 1982 г.

ТРУДНАЯ СУДЬБА ДАЛЬТЕЛЕФИЛЬМА.

Я сначала написал «гибель» Дальтелефильма, потому, что в принципе ничего не предвещало прекращения деятельности такой интересной и важной по своей сути организации, какой являлся «Дальтелефильм» - информационное кинопроизводство в составе современного телевидения. Только абсолютной дурью и беспонятием, а как оказалось впоследствии хитроумным расчетом, можно объяснить прекращение деятельности многих учреждений и организаций культуры, в том числе и фильмопроизводства при новой власти.

Так случилось, что я был свидетелем и в какой-то мере участником этого процесса в Приморском комитете по телевидению и радиовещанию в начале девяностых годов.

Не так давно, по просьбе преподавателей Дальневосточного государственного технического университета, я встречался со студентами гуманитарного факультета и рассказывал им об истории «Дальтелефильма». Чувствовался при этой встрече неподдельный интерес студентов к созданию телевизионных фильмов. И это естественно. Ведь не только простые бездумные съемки при наличии современной аппаратуры волнуют людей. Им хочется создавать какие-то продуманные, законченные, назовем их грустные, фильмы. Особенно эта потребность возникает, когда думающий человек попадает в экстремальные ситуации, потом пытается их осмыслить.

Точно такие желания возникали у создателей только что родившейся студии уже в самом начале постоянного телевизионного вещания во Владивостоке в 1957 году.

Желания понятны, но возможностей, конечно же, тогда не имелось почти никаких. Ни простейшей киносъёмочной аппаратуры, ни помещений для обработки пленки и монтажа, ни тем более специалистов кинопроизводства не было и в помине: в эфир выпускались обычные художественные кинофильмы, киножурналы и прямые передачи из телестудии.

Сегодня можно только представить, сколько энтузиазма, даже романтики было у тех, кто начинал кинопроизводство во Владивостокской телестудии. Это старший оператор А.И. Вергун, редактор политвещания В.А.Ткачев, режиссер телестудии А.Е. Масленников, осветитель И.Б. Тимош и другие.

Они выпросили на период съемок кинокамеру в Дальневосточном филиале Академии наук СССР, смастерили баки для проявки пленки, барабаны для сушки пленки, соорудили монтажную корзину, стол для перемотки пленки. А инженер телецентра, автор самой студии телевидения В.Е. Назаренко смонтировал блок для выдачи в эфир изображения с негативной кинопленки.

Появление на киноэкранах Владивостока титров «Празднование Первого Мая во Владивостоке», «Съемка Владивостокской студии телевидения» вызвало восторг телезрителей.

Достойна настоящего глубокого исследовательского повествования вся та огромная работа, которая была проведена для появления первых документальных фильмов, ставших подлинной кинолетописью Приморского края, а позже и всего Дальнего Востока. Более трехсот лент!

Большая часть телефильмов показывалась не только в Приморье, но и на телеэкранах Советского Союза и за рубежом.

Наши телефильмы завоевали призы на Всесоюзных и Международных фестивалях телевизионных фильмов. Около тридцати уникальных произведений искусства из металла, дерева, янтаря, других ценных камней и даров моря - все это призы «Дальтелефильма» почти за 25 лет.

И вдруг оказалось, что коллектив более ста человек, здания со всеми цехами по обработке пленки, хранилище почти четырехсот телефильмов и исторических сюжетных пленок, дом кинооператоров оказались ненужными! Само производство документальных телефильмов объявили не выгодным, и на этой основе некоторые «шустрые» теледеятели в 1992 году закрыли Дальтелефильм.

ТВОРЧЕСТВО ОПРЕДЕЛЯЕТ

Впервые я как-то боком прикоснулся к Дальтелефильму с первых дней своей работы в комитете по радиовещанию и телевидению.

Полное название Дальтелефильма было такое: Главная редакция Приморского Комитета по телевидению и радиовещанию по производству программ на пленке (Дальтелефильм). В ее обязанности входило главным образом обеспечение киносъёмок для телепередач и еще производство кинофильмов в объеме двух-трех часов в год. После первого месяца работы на радио в должности

старшего редактора промышленного радиовещания меня назначили главным редактором промышленных, сельскохозяйственных передач, последних известий и двух редакций радиостанции «Тихий Океан» - для рыбаков и моряков.

А возглавлявший эти редакции Павел Ильич Шварц был назначен главным редактором Дальтелефильма. По нашим понятиям это было назначением на самостоятельный и ответственный участок, и Шварц ему соответствовал.

Главная редакция по сути своей – часть телевидения и должна была подчиняться непосредственно заместителю председателя по телевидению. Но фактически по всем проблемам подчинялась непосредственно председателю комитета и его службам – плановому отделу, бухгалтерии. Кроме того, Шварц всем своим характером, поведением, и конечно, интеллектом явно претендовал на самостоятельность.

Телефильм занимал бывшую трехэтажную студию телевидения с самостоятельной вахтой, цехами, просмотрным залом.

А если еще учесть самостоятельную связь со многими телестудиями, где велась проявка пленки, с зарубежными кинопредприятиями, то понятно, что это действительно была телестудия, а не просто редакция телевидения.

Я никогда не мечтал о работе в Дальтелефильме, хотя к этому времени сделал три сценария двадцатиминутных фильмов, один из которых даже получил премию Выставки достижений народного хозяйства СССР.

Но стечение обстоятельств в конце 1987 года привело к тому, что Дальтелефильму потребовался новый главный редактор. И выбор пал на меня.

На этот счет ходили разные мнения и суждения, хотя я знаю истинную подоплеку такой подвижки, и мне от этого было не легче: просто одной важной персоне в крайкоме партии была необходимость двинуть на мое место своего человека.

Ну и вот, после десяти лет работы главным редактором общественно-политических программ на телевидении меня перевели в Дальтелефильм.

Важно, почетно, но почти перед выходом на пенсию осваивать новое дело не очень-то приятно. Особая сложность заключалась в том, что режиссеры кинопроизводства, как и в любом кино, каждый – особая статья.

Плюс к этому практически каждый ассистент режиссера ждет – не дождется, когда он начнет монтаж своего фильма. Об этом же мечтает почти каждый зрелый кинооператор. Отсюда и конкуренция. Не назовешь ее злой, но очень настырная. У меня об этом было некоторое представление, поскольку я уже больше десяти лет был членом художественного совета ДТФ.

Моим предшественником был Валентин Лихачев, человек, прошедший все ступени кинопроизводства от звукооператора до главного редактора. Бывал в самых сложных командировках, владел всеми секретами литературного, музыкального оформительского мастерства, монтировал пленку, используя самые сложные спецэффекты.

Правда, он был и самым молодым кинорежиссером, слишком самоуверенным человеком, не знал по большому счету цены самоторможения, особенно в части употребления напитков с градусами. Тут уж сравниться с Валентином не мог ни один режиссер. Вместе мы проработали недолго, хотя запоминающихся моментов было не мало.

Проблемы внутренней жизни коллектива Дальтелефильма меня мало касались, своих забот хватало. А то, что касалось судьбы телефильмов, тут уж хочешь, не хочешь, а приходилось читать сценарии, просматривать черновые и окончательные варианты фильмов, участвовать в художественных советах.

Радовала каждая интересная находка сценариста, режиссера, оператора, звукорежиссера. Многому учился, особенно при спорах «творцов», как дразнили слишком возносящих себя режиссеров.

Олег Канищев к моему приходу в ДТФ был одним из зрелых режиссеров, получил немало высоких оценок за свои фильмы, его лента «За полтора часа до объятий» о возвращении китобоев в родной порт в «Союзтелефильме» много лет показывали как образцовую. Но в то же время вокруг Канищева почти всегда царила атмосфера нетерпимости по отношению к своим товарищам по работе.

Особенно запомнилась цепь скандалов с телефильмами, над которыми работал Олег Канищев. Даже если перечислить факты, когда главной редактор Валентин Лихачев вынужден был обращаться к руководству комитета в связи со срывом Канищевым фильмов, и то трудно было понять, что же давало возможность

режиссеру так себя вести. Он был отстранен от работы над телефильмом «Человек трудом славен» в связи с тем, что снял его с браком, а затем начал говорить, что нет материала для кино. Художественный совет, просмотрев материал, установил его полную несостоятельность и отстранил Канищева от дальнейшей работы над фильмом. Его доделывал молодой режиссер. А ведь он сам выбирал себе именно этот фильм.

Следующий фильм Канищев сдал на 80 дней позже установленного срока. Затем просто стал отказываться от работы над заранее запланированными фильмами, демонстративно нарушал трудовую дисциплину, за что был переведен на телевидение на несколько месяцев.

И все время он твердил на всех углах, что его «зажимают» за то, что он своим творчеством не похож на других.

То, чем О. Канищев «отличается от других», особенно ярко стало видно, когда он начал работать над документальным фильмом о бригаде строителей Галины Меркуловой. Он включил в фильм кадры перепалки режиссера с автором сценария, появился в носках на съемочной площадке и оставил это в кадре. Использовал съемки художественного совета не для раскрытия образа бригадира Галины Меркуловой, а для тенденциозного показа членов худсовета. Ему указывали на все эти ляпы, но Канищев не посчитался ни с художественным советом, ни с руководством комитета по ТВ и РВ, и комитет решил отстранить Канищева от работы над фильмом, объявив ему выговор. А ведь это вдобавок ко всему срыв выполнения плана Дальтелефильма и всего приморского Комитета! Самое интересное в том, что вся эта скандализация подавалась О. Канищевым под видом поиска оригинального метода показа нашей жизни. Рядом работали режиссеры, которые не хуже О. Канищева умели показать свежо и интересно моменты жизни Дальнего Востока. И тоже гласно и негласно соревновались между собой. Можно только вообразить себе атмосферу, какая царила в этом небольшом творческом коллективе!

Дальтелефильм не имел своих проявочных цехов для обработки 35 мм пленки. Приходилось, как правило, режиссерам, директорам съемочных групп ездить в Свердловск, Киев, Москву, Ригу и проявлять там кинопленку. И времени уходило много, и

затраты большие. Хорошо, когда все в порядке, а ведь случались и браки. Но зато был очень важный выигрыш - общение с коллегами из других студий, обмен мнениями, опытом, а значит, и оценка наших фильмов.

Добавляли «керосину» и проходящие регулярно кинофестивали «Человек и океан». Естественное волнение вызывали, прежде всего, решения худсовета и руководства комитета, какие фильмы будут представлены на фестиваль, а потом уже и то, какие фильмы будут отмечены премиями фестиваля (это были, как правило, уникальные произведения искусства - композиции из дерева, янтаря, чудесные ковки и литые из металла, изделия из драгоценных камней и даров из морских глубин). Призы Всесоюзных и международных фестивалей, а их было около тридцати, долгое время хранились в комнате Трудовой Славы нашего комитета...

Встречи на фестивалях документальных телефильмов «Человек и океан»: Юрий Сенкевич, Леонид Савицкий собкор гостелерадио и автор. 1988 г.

вов предприятий, описывая своими художественными средствами интересные явления в жизни природы нашего Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Ко времени моего прихода в ДТФ уже было создано более двухсот малых (10 минут) и больших (1 час), телевизионных фильмов и даже один полнометражный художественный фильм (режиссер Юрий Шепшелевич). Сегодня можно с уверенностью говорить, что за время своего существования небольшой творческий коллектив не пропустил важных исторических событий, происходящих на Дальнем Востоке, отражал важные явления в жизни людей, коллекти-

Любая из творческих групп могла снять практически любой сюжет, но, тем не менее, были у каждого режиссера свои любимые темы, свои пристрастия.

Юрий Шепшелевич любил работать над фильмами о людях творческой профессии, Константин Шацков с удовольствием ехал в тайгу и тундру для съемки сцен из жизни малых народов, любил снимать сюжеты из жизни животных. Владимир Патрушев стремился раскрыть характеры и психологию простых людей, и это ему удавалось. Валентин Лихачев с удовольствием постигал судьбы моряков и военных людей. Но ни у кого не было столько терпения, изобретательности, способности в любую погоду дневать и ночевать в тайге, как это делали Анатолий Петров вместе с оператором Геннадием Шаликовым.

Я хотел бы особо подчеркнуть, такие скромные ребята снимали интересные фильмы тихонечко, без привлечения к себе внимания. В то время как тот же О. Канищев просто не мог жить, чтобы не мутить вокруг себя атмосферу и обходиться без внимания всех и вся, вплоть до первых лиц края, как это было с фильмом о Галине Меркуловой, когда Канищев ходил доказывать свою правоту к первому секретарю крайкома партии.

У меня, понятно, характер не из самых мягких, плюс к этому большинство режиссеров приняли меня не с распростертыми объятиями, то можно понять, что для меня атмосфера на Дальтелефильме создалась не самая лучшая.

Но многое, конечно, зависело и от руководства комитетом.

В меру сил я стремился как можно скорее вникнуть в тонкости самого процесса производства фильмов.

Со стороны и сегодня многим кажется таким простым делом создание документальных фильмов. Ну что такое десятиминутный фильм? Многие думают: нашел, увидел, снял. Но оператор и режиссер – таланты.

Не случайно, например, на 10-минутный фильм отпускается в четыре раза больше пленки (примерно 1200 м), чем его истинная длина (около 300 м.). Все остальное отбрасывается при монтаже. И ведь это очень жесткие условия. Режиссеру хотелось бы в четыре, пять раз больше снять, чтобы отобрать самое-самое, чтобы каждая лента несла в себе эмоциональный заряд, а не просто фиксировала то или иное событие, явление.

Еще в бытность главного редактора ДТФ В. Лихачева тот же режиссер первой категории О. Канищев избрал для 30 минутного фильма рассказ о директоре Совхоза им. Фадеева Л.Я. Филяковой, делегате XXVI съезда КПСС. Отснял более трех километров пленки, но при первом же просмотре, редакционный совет студии установил полную творческую несостоятельность работы режиссера и отстранил О. Канищева от дальнейшего производства фильма и назначил другого режиссера. А это кроме перерасхода пленки еще и пролонгация (продление срока работы над фильмом), срыв студийного плана, утвержденного Приказом Гостелерадио. А это еще и лишение всего коллектива студии премии за квартал.

Так что досталось мне немало сложностей самого разного плана и постигать их мне было достаточно сложно, хотя к этому времени я уже проработал только на радио и телевидении восемнадцать лет в должности главного редактора.

Дружен и интересен был коллектив телевидения, когда людей можно было поднять на любые трудные дела.

Это особенно проявлялось в таких сложных и масштабных мероприятиях, как организация передач Владивосток – Москва – Токио, или Владивосток – Москва – Сан-Франциско. Не говоря уже о том, как дружно проводили праздники 8 Марта, Новый год, День Радио и другие. Выезжали всем коллективом на природу, выходили на субботники достраивать студию телевидения.

А вот в Дальтелефильме было посложнее. И свой кинозал, и отделанный своими силами под крестьянскую избу красный уголок давали возможность самого разного рода мероприятий. Но как-то коллективности не получалось. Официально все было нормально, а вот теплоты общения почему-то не было. И ведь интересно, кинооператоры были частью студии телевидения. Они проводили киносъемки практически всех сюжетов информации и телепередач, ездили во все командировки с работниками телевидения. Но были по духу и, по сути, все время между коллективом телевидения и Дальтелефильма. А некоторые операторы всегда работали с одними и теми же редакциями и были у редакций своими, точнее, частью редакций. По сути своей – Дальтелефильм – главная редакция студии телевидения. Но именно ее особенности, еще и отдельное здание, прямое подчинение руководству комитета, а

после создания Союзтелефильма, еще и решение специфических задач, которые ставились этой организацией, выделяли Дальтелефильм, не делая, однако, его более свободным. Финансовый контроль был очень жесткий, отчетность самая подробная с четким сообщением сроков.

Было одно очень важное преимущество перед радио и телевидением: проведение телевизионных и кинофестивалей и других мероприятий давало возможность больше учиться. Я в общем не был обделен разными союзными курсами радио и тележурналистов, но все-таки киношная учеба была более интересной, более продуктивной.

Пленумы Союза Кинематографистов СССР – это вообще забываемая школа. Выступали Н. Михалков, Э. Климов, Н. Разлогов, А. Смирнов известные режиссеры, критики, зарубежные кинематографисты, такие как Занусси, Том Ладди, Николай Олев.

Это было время становления нового кинематографа, время борьбы многих течений, возникших как в культуре в целом, так и в художественном и документальном кино. Государственность еще сохраняла главные корни, определяла главную политику, давала возможность проводить многие общесоюзные мероприятия, хотя национализм уже показывал свои клыки. Особенно это усилилось после событий в Тбилиси, где разогнали демонстрантов с применением оружия и газов.

Уже во всю звучали «особые оценки» происходящих в стране перемен со стороны эстонских, азербайджанских и особенно грузинских кинематографистов. Самые острые и резкие оценки кинематографа можно было услышать в общежитиях, в гостиницах, где собирались участники пленумов и других проходящих мероприятий, но потом все больше резких оценок стало звучать и во время самих пленумов и конференций.

В мае 1988 года на Пленуме правления Союза кинематографистов СССР «Кинематограф: обновление художественного сознания» шел предельно острый разговор о роли кино. На нем делились своими, подчас очень горькими мыслями, известные режиссеры, критики актеры. У меня сохранились записи с Пленума и сейчас очень интересно вспомнить некоторые моменты. Даже программа пленума говорит о той остроте, с которой подходили при подготовке Пленума:

Тема: «Дефицит художественности. Жанровое и авторское» Вопросы: «Кинооткровения или киносервис», «Деколлективизация сознания», «За кого вы, так называемые мастера культуры?», «Свобода - опиум для художников?», «Экспорт талантов: - триумф или национальная катастрофа?». «Король оказался голым. А подданные?», «Ищу новое мировоззрение. Ношенное не предлагать!»

Обсуждение было достаточно острым и подчас бурным. Интересными были оценки советского кино зарубежными известными кинематографистами Николаем Волевым из Болгарии, Пулешу Джорджовичем – югославом, Томом Лэдди, который работал, в свое время, с Копполой, К. Занусси, польским режиссером и другими.

Но я хочу привести почти полным записанное мной выступление американца Дэвида Патнэма. Оно, на мой взгляд, остается и сегодня вполне актуальным, а объективным:

«Я не дам легких ответов и рецептов. Я говорю с трибуны, в трех километрах от которой вы сделали шаги к плюрализму и свободе. Пути назад нет. Мне предоставлена роль предупредить вас, что вы выбрали опасный путь интеграции в международное кино. Не так давно у нас был показан «Броненосец Потемкин» и вместе с ним «Робин Гуд». Через 4 недели «Потемкин» был снят с проката, несмотря на подтасовку фактов. Я говорю об этом не с упреком. «Потемкин» был создан гениальнейшим режиссером, а «Робин Гуд» - малоизвестным. Я говорю о шизофреничности выбранной нами профессии. Конъюнктура рынка объективна. А вы выбрали курс рынка.

Вы приучились к мысли, что зритель – король. Законодатель. Но это не значит, что мы должны быть его рабами, хотя он и не предсказуем. Чего он хочет? Он хочет, чтобы его соблазняли. А это очень сложная, утомительная, порой опасная, безумно интересная работа, даже если у вас ничего не выйдет. Как сохранить честь, потеряв девственность, как делать качественное кино и удивлять, массового зрителя. Массового, иначе не может быть, это не экспериментальный театр. Это наш кредит. Наша система достаточно жестока в этом отношении. Я думал, что лучше быть хорошим продюсером. Даже самое радушное понимание демократии не обеспечит плохому художнику даже прожиточного минимума. Произойдут перемены, а недостойных заставят подвинуться.

Если вы не являетесь частью решения, вы являетесь частью проблемы. Вы можете оказаться в одном из худших миров. Вы

революционная нация, и это еще революционные времена. Это не для усталых. Не для пессимистов. Надо быть реалистом. Надо иметь огромную решимость, твердость, самодисциплину, веру в сотрудничество с государством, в союзе с рынком.

Возможно вам придется брать правительство за руку и вести его вперед. Но это возможно только при продуманной политике. Еще раз самодисциплина для тех, кто ищет путь вперед.

Вы должны в культуре опираться на государство. Но в стране, где столько дыр, вы можете получить разочарование. Но мой совет - сосредоточьте силы на обучении кинематографистов, которых обстоятельства не будут ставить в тупик. Это киноязык, коммерция.

У вас те же проблемы, что и у нас. Учитесь на наших ошибках, на тех маленьких достижениях. Сила и слабость американского кино несопоставимы с вашими проблемами. Но наши, шведские и австралийские маяки послужат вам в дороге.

А теперь несколько слов о тех заботах, которые вас беспокоят.

Мы понимаем интересы, которые и нас беспокоят. И интересы республик, но ускоряя этот процесс, вы разрушите все то, что построено. Есть люди, которые хотят, чтобы не вышло с перестройкой. Но не все сразу. Вы ждали долго, подождите еще. Недавние события в Грузии отвратили людей от вас. Особенно применение отравляющих газов. Означает ли это, что военные – государство в государстве? Это ведь не банановая республика. Хорошо бы Горбачев подтвердил это раз и навсегда.

Мы пока не можем помочь вам, как бы ни старались. Те, кто приходят к вам и обещают – вы должны им не доверять. Где появляются капиталистическая конъюнктура, - там обязательно сделка, коррупция. Вы должны и своей конъюнктуры бояться.

Вы должны совершенствовать монтаж кино. Вы научили нас монтажу немого кино. Но с развитием звукового кино вы замедлили монтаж. Создайте фильмы с огромным зарядом гуманизма. Зритель всех стран празднует все лучшие достижения гуманизма. И как кинематографисты и как люди мы будем это делать в меру наших сил. Очень мудро сказал Тарковский: «Любая цель может основываться только на личной ответственности».

Было много других, очень заинтересованных в улучшении кино оценок. Затрагивались самые разные структуры кинопроизводства и кинопоказа. В том числе и документального. Обсуждал-

ся и вопрос целесообразности создания «Союзтелефильма», но именно демократического органа. Причем сразу высказывалось мнение, что надо бояться не централизации кинопроизводства на телевидении, а бюрократизации самой системы СТФ. Жизнь в дальнейшем показала, что эти мысли были пророческими.

На многих следующих мероприятиях, рассматривающих дела в Главном управлении местного телевидения и радиовещания (ГУМТР) многие проблемы были порождены Союзтелефильмом (СТФ), особенно с вопросами показа тех или иных телефильмов отдельных союзных республик по союзному телевидению.

Для меня это была настоящая учеба, как в оценке самих телефильмов, так и определении их судьбы. И, тем более что многие из семинаров, совещаний, пленумов отвечали на вопросы, которые волновали всю телекинематографическую общественность и, конечно, же, работников ДТФ. И приятно было рассказывать коллективу о решении таких проблем. Хотя официальные документы шли к нам через комитет.

Для меня же предельно высоко было сравнивать участников семинаров, фестивалей, совещаний с нашими «творцами», тем более что каждое из мероприятий сопровождалось показом документальных лент. Их авторы, как правило, участвовали в обсуждении фильмов, и было видно автора в натуре. Сегодня иногда даже трудно представить некоторых из режиссеров, ставших впоследствии авторами знаменитых художественных фильмов, таких как Соловьев.

Я старался не лезть в знакомые известные работников, хотя по ходу многих встреч приходилось обсуждать личные вопросы, даже спорить со знаменитыми деятелями, но больше удовольствия мне представлялось сделать набросок в блокноте характерных деталей лица того или иного соседа по совещанию. Для себя осталась хорошая память.

ТЕМНАЯ ПОЛОСА

Дальтелефильм практически не имел режиссеров со специальным образованием. Начало всему положил Алексей Масленников, который в 1960 году создал первый документальный фильм о тружениках одного из ведущих в крае предприятия – «Дальза-

вода» - ремонтирующего военные и рыбацкие суда. Многие годы он был ведущим режиссером студии, хотя уже начали заявлять о своих возможностях в работе над фильмами молодой Юрий Шепшелевич, затем Константин Шацков, через несколько лет звукооператор Олег Канищев и Леонид Сафрошин. И уже в 1966 году практически вся ведущая часть режиссеров, звукорежиссеров, кинооператоров была сформирована и до 1990 года менялась в очень незначительной степени.

Тематика фильмов была очень широкой, хотя можно уверенно сказать, что главной ее чертой было желание показать особенности Дальнего Востока. А территория определялась границами от Якутска до Чукотки и Сахалина.

На этой же территории была еще одна студия – кинодокументалистики в Хабаровске, но у нее была своя задача – готовить оперативные киносюжеты документальных киножурналов, которые выполнял «Союзкинофильм» для показа в кинотеатрах перед фильмами. В больших городах были и специальные театры документального кино. Но эти студии не были нам соперниками, чаще помогали друг другу. А особенности каждого режиссера определились, прежде всего, интересом к определенным темам.

Был еще режиссер Леонид Софрошин. Мне лично довелось с ним работать над фильмами «Мостостроители» и «Инженеры». Кое-чему я у него научился. Он был достаточно активным режиссером, но как бы всеядным – не было у него «своей» темы.

А вот Валентин Лихачев, начинавший в студии со звукорежиссера обладал таким патриотическим настроением, что ему обязательно хотелось ухватить тему высокого достоинства – его тянуло к путешествиям, показу каких-то масштабных событий и открытий. К людям военных профессий. А еще заметной в его характере была тяга к командирству и очень заметная самовлюбленность. Он считал, что ему позволено и то, что другим позволить нельзя, а это очень повлияло на его судьбу, особенно, когда он потерял тормоза в деле употребления хмельного.

Интересными режиссерами проявили себя многие из творческих работников студии – хотя, понятно, штатными режиссерами они не могли быть, прежде всего, из-за штатных рамок студии.

Например, оператор Василий Рещук - он же еще и интересный художник. Снял несколько фильмов как режиссер. Еще один опе-

ратор – Анатолий Петров – скромнейший человек, при всей его опытности как оператора, он до мозга костей предан своей теме – исследования редких животных Уссурийской тайги и, прежде всего леопарда. Он переносил любые неудобства и сложности при съемках в жару и холод, выдумывал и осуществлял вместе с такими же энтузиастами множество способов съемки животных, сохраняя при этом их естественную среду.

Пробовали себя в режиссуре и другие работники студии, в первую очередь ассистенты режиссеров.

Все это лишний раз говорит о той творческой атмосфере, которая существовала в студии. Чуть подробнее об атмосфере в студии говорит письмо Владимира Куварзина, он послал его в больницу, где я лечил побитую ногу:

«Иван Федорович!

Дальтелефильмовцы (или как говорили во времена Цезаря, - «бессмертные» назло всем прокурорам) приветствуют Вас!!! Понимаем, что в тиши больничной палаты скучно Вам без наших бурных будней.

Пленки смотрели. «Мэри» Пата почти без брака. Он уже в монтажной, концовку сделал (а концовка – венец успеха), показывал нам. Все хором разучиваем эскимосских «Журавлей».

Но вылез брак (тряска камеры) у «Кортика». Лихачев и Рещук помнят, что было извещение – акт о браке. По этому акту будем готовить свою бумагу председателю, дабы восполнить пленку: в браке оказался очень важный для Лихачева – «Адмирала» материал.

У Шацкова в общем почти без брака, нормально (в том, что мы смотрели). Лена Пархимович сейчас ведет разбор материала, подбор синхронов. Кланяется Вам, как и все мы.

Говорили с Москвой (В.Кириллов с Мироновой и Уткевич) по сданным фильмам: все хорошо, вопросов у ГУМТРа нет.

Посмотрели сегодня «Зеленого голубя» (Лихачев приехал вчера). Все-таки, на мой взгляд, он, т.е. голубь, не дотянул до того, что хотелось бы от такого фильма. Слабее, считаю, «Черного журавля». Во истину, журавль в небе, а голубь остался в руке. Но ничего, впереди еще «Журавли для Мэри» - должно быть хорошо. И тогда мы с легкой... ноги (после операции) главного редактора завершим успешно год, как к тому и призывает партия. (Это во мне секретарь заговорил).

Болейте спокойно, лечитесь на здоровье.

19.10. Куварзин»

Были, конечно, и фокусы, вроде Канищевских, когда претензии на гениальность заканчивались элементарным жеманством или не прикрытым бахвальством, но в таком коллективе все получало, в конечном итоге, истинную оценку.

Но вдруг, я говорю, вдруг, Дальтелефильм оказался в опале в целом как рабочий коллектив, когда, именно вдруг, руководителем Приморского комитета по телевидению и радиовещанию стал Феоктистов Виктор Петрович, работавший до этого собственным корреспондентом центрального телевидения и радиовещания по Сахалинской области. Никто до сих пор точно не знает по чьей рекомендации его назначили на явно непосильную для него работу, хотя ходили слухи, что одна наша работница, пользуясь благосклонностью, шепнула на ухо тогда первому секретарю крайкома КПСС Дмитрию Гагарову, что Феоктистов облагородит Приморский комитет по телевидению и радиовещанию.

С этого времени и начались, особенно для нас дальтелефильмовцев, черные дни. Я приведу выдержку из письма режиссера Владимира Патрушева начальнику Главного управления по телевидению и радиовещанию А.Н. Дмитрюку. «Нынешний председатель комитета Феоктистов В.П., благодаря своей некомпетентности, изначальному лозунгу, в котором он провозгласил с трибуны краевой партийной конференции, что будет по отношению к Дальтелефильму проводить «жесткую и жестокую политику», под флагом наведения порядка готовит одну за другой бумаги, которые соревнуются между собой в нелепости».

Можно представить себе, как надо довести до белого каления рядового творческого работника, чтобы он был вынужден писать на своего руководителя письмо в самую высокую инстанцию! А дело действительно дошло до отвратительного: Феоктистов передал в прокуратуру свое письмо с просьбой провести проверку финансовой деятельности режиссера и его съемочной группы вместо того чтобы поддержать их инициативу во время съемок двух фильмов.

Патрушев снимал на Чукотке интересную картину. Почти живую легенду: после таяния снегов в древних карстовых озерах вырастают удивительные почти гигантские травы. Если освоить их своевременную уборку, то можно весь год поддерживать очень

большое стадо молочных коров. И фильм то был назван «Мамонтовы травы», как тогда говорили, это было чудо из «решений продовольственной программы на Севере». А когда съемочная группа прибыла на съемки, то Патрушев узнал, что почти рядом будет проходить событие мирового значения – праздник морских охотников с участием делегаций из США, Канады, Гренландии. Ясное дело, он звонит мне, я рассказываю об этом заместителю председателя комитета Б. Максименко и мы принимаем решение о необходимости запустить в производство одночастевый телефильм «Журавли для Мэри». Патрушев срочно пишет сценарий, согласовывает его по телефону и этот фильм группа снимает параллельно, без ущерба «Мамонтовым травам». А возвращение съемочной группы началось не с того, чтобы отметить инициативу режиссера, а со служебного расследования и более того Феоктистов решает завести уголовное дело.

И закрутилось дело еще дальше. Художественный совет одобрил сценарий, а Москва включила фильм в план. Надо только предположить, как такому порядочному во всех отношениях режиссеру, как Патрушев пришлось пережить все эти бесконечные выяснения, объяснения, урезания гонорара, пересчет по метрам уже смонтированных пленок.

Я в своем объяснении на эту же тему вынужден был писать: «Есть в приказе по комитету еще ряд прямых искажений существа дела. Но самое удивительное для сегодняшнего дня – система оценок и взаимоотношений в творческом коллективе которую вы, Виктор Петрович, пытаетесь насадить, это – подозрительность, обязательное наличие в действиях работников злого или даже преступного умысла, пользование слухами и не проверенными фактами. Вот строки из приказа: «Нарушения с откровенно обманными целями», «халатность и противоправные действия», «передать в органы прокуратуры края», «провести служебное расследование». Там же сказано: «К 16 сентября представить объяснительные записки всем виновным», в том числе и Вашему заместителю, что выглядит вообще беспрецедентно. Между тем существует правило, согласно которому, прежде чем издавать приказы, от работников требуют объяснения. Считаю поэтому, что приказ № 206 от 9 сентября 1988 года нужно немедленно отменить и тогда он останется как курьезный, но случайный документ.

Если же это не будет сделано, тогда напрашивается сам собой вывод, что Вы преследуете совершенно противоположные цели, чем те, которые должен проводить в жизнь руководитель такой большой идеологической организации, какой является наш комитет. 19.09.88 г.».

Копию этой объяснительной записки я передал партбюро, чтобы не оставить этот разговор между нами. Хотя я в открытую уже несколько раз говорил Феоктистову, чтобы он занялся настоящей работой, а не сраиванием людей. Я имел такое право, ведь я принимал его впервые на работу, продвигал его в свое время. Но Феоктистов оставался верным себе: опустит голову вниз и молчит. И можно только предположить, какие страсти кипят в его душе. Когда я был в санатории на Сахалине, я заезжал в комитет по телевидению и радио и мне рассказали, что он во всем такой. Его личный шофер уже избил его за пьяные фокусы, но это тоже не помогло, он оставался самим собой. Я тогда сделал пометку в дневнике: «Интересные параллели: все, что касается гнуси и подлости – все в чести. Все же имеющее хоть какую-то ценность, отмечается. Говорят, что бывший алкоголик может выпрямиться. Да может, но морально он, как и бывшая сука, на жизнь по-другому смотреть не может. Ни алкоголик, ни проститутка бывшими не бывают».

Но, слава Богу, наши молитвы были услышаны и вскоре перевели Феоктистова снова на Сахалин в собственные корреспонденты.

Думалось, закончилась черная полоса в нашей жизни. Председателем комитета назначили Бориса Васильевича Максименко, вроде нашего человека до мозга костей, ведь здесь он, как я раньше рассказывал, прошел школу телевизионного образования.

Отсюда его перевели в собственные корреспонденты всесоюзного радио по Амурской области. Он отличался в освещении строительства БАМа, получил за это Государственную премию и приехал к нам уже в роли заместителя председателя комитета по телевидению, после ухода И. Стрельниковой на пенсию. Я проработал с ним на телевидении несколько лет относительно спокойно, пока не пришла идея, после очередного заоя Лихачева, перевести меня в Дальтелефильм, а Анатолия Желтикова, старшего редактора направленных передач, поставить главным

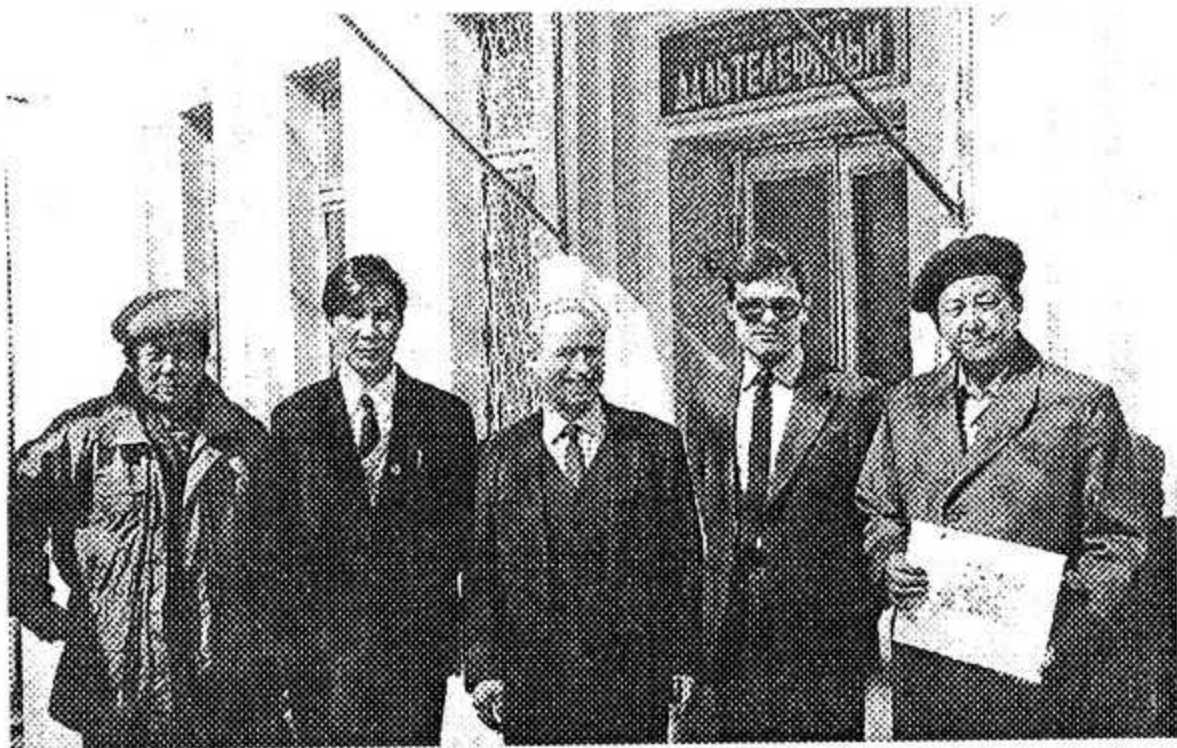
редактором общественно политических программ телевидения. Все понимали, что это не самый лучший вариант, но против крайкома не попрешь.

ПОСЛЕДНИЙ ВИТОК

После Валентина Ткачева, безусловно, талантливого руководителя комитета, трудно найти ему адекватную замену. Но кандидатура Бориса Максименко, после перевода Феоктистова снова на Сахалин из всех наших кадров, была, в общем, наиболее подходящей. Он знал край, многих людей, умело ориентировался на местности, был, в общем, неплохим журналистом, никого особенно не приближал к себе. Хотя, как мне казалось, никто и не набивался в его близкие друзья. Дальнейшая работа показала, что он действительно любил себя больше всех.

Начало правления Бориса Максименко совпало с обрушившейся на страну перестройкой, «чубайсизацией» и, в первую очередь, «ельцинизацией», когда каждый начал тащить все, что можно, в свой карман, а что можно, продавал за границу. Казалось бы, в общем правильный и понятный лозунг «все должно быть экономически оправданным», дал в условиях правления Ельцина страшнейшее разорение страны. Ведущие в крае заводы с самой передовой техникой и технологией, такие как «Радио-прибор», «Дальзавод», «Варяг», «Дальприбор» и много других были разорены за очень короткие сроки. Даже такие, казалось бы, важные предприятия, которые должны процветать в условиях развития товаров народного потребления, как кожевенно-обувной комбинат, завод холодильников и стиральных машин, заводы строительных материалов, фабрики питания, ковровая, бельевого трикотажа, мебельные, швейные очутились на грани полного разорения. Мне, как журналисту, занимавшемуся освещением экономической жизни края, доводилось знакомиться почти со всеми важными предприятиями, и я всегда старался побывать в основных цехах, знакомиться с технологией производства и мне становилось страшно, когда я узнавал, что закрываются горнодобывающие, химические, другие заводы и рудники, которые славились своими достижениями не только в крае, в стране, но и в мире.

К концу восьмидесятых эта волна разорения докатилась и до информационных организаций. Все чаще стали идти разговоры о прекращении финансирования производства телевизионных фильмов. И мы стали искать возможности перевести Дальтелефильм на самостоятельное существование.

*Приезд на ДТФ делегации кинематографистов из Харбина.
1989 г.*

Я несколько раз обращался к Максименко с предложениями помочь в решении этого вопроса. Составил кадровое расписание, сделал необходимые экономические расчеты, советовался с работниками телефильма, в первую очередь, с режиссерами и плановиками и, наверное, нам бы удалось добиться самостоятельности, если бы не два важных фактора: во-первых, некоторые из режиссеров, в первую очередь, конечно Канищев, Шацков и даже Шепшелевич, которого, как казалось, меньше всего интересовали административные проблемы, стали каждый тянуть на себя одеяло, видя только себя в роли руководителя телефильма.

Но это еще куда ни шло, может быть действительно, кто-то из них и стал бы неплохим руководителем в условиях самостоятельности. А во-вторых, появился более мощный фактор, которого никто не знал и не предполагал: у Максименко был свой

план приватизации, о чем он никого не ставил в известность. Он рассчитывал, достаточно умело, как самому прибрать к рукам, в первую очередь, здание телефильма и использовать его по своему личному усмотрению.

У меня в августе 1990 года, подходил срок выхода на пенсию. И когда только зашел об этом разговор, Борис Васильевич сказал мне: «Если хочешь продолжать работать после наступления пенсионного срока, я могу назначить тебя редактором редакционного отдела Дальтелефильма. Оставить тебя главным редактором не могу». Я написал заявление об увольнении.

Максименко и в этом случае поступил предельно расчетливо. Он не назначил главным редактором Владимира Куварзина, ведавшего редакционным отделом или кого-то из режиссеров, а определил на эту должность начальника киноцеха Александра Кирилова, который к кинопроизводству, точнее, к подготовке телефильмов, не имел никакого отношения.

Расчет был точным, через короткое время телефильм был ликвидирован и Максименко начал сдавать здание в аренду. От Дальтелефильма остались только пленки - более трехсот документальных фильмов, которые трудно хранить, а использовать вообще невозможно, поскольку техника двинулась сильно вперед и аппаратура для воспроизводства фильмов на узкой и широкой киноплёнке списана в утиль.

Группа энтузиастов, в том числе Валентин Ткачев, Борис Шварц, возглавлявшие телестудию «Восток TV», и другие пытались даже через губернатора добиться переписи телефильмов на современные средства воспроизводства, но это им не удалось сделать. А время ушло. Сейчас предпринимаются меры для переписи фильмов уже на носители третьего поколения, но это пока очень незначительная часть всего, что удалось оставить для истории. Всему остальному грозит неминуемая участь ушедшего в небытие.

ЗАПИСАЛСЯ В КОММЕРСАНТЫ

Конечно, никакой настоящий коммерсант из меня не получился. Но я прошел пробу и многому научился. Девяностые годы это действительно начало нового периода в жизни СССР и в частности России, которое иначе как развалом великой страны не назовешь.

Первые грозные раскаты я застал, еще работая в комитете по телевидению и радиовещанию. Будучи в командировках, на фестивале и курсах, я успел увидеть расцвет ельцинства на нескольких мероприятиях в Москве. В частности побывал на митинге возле метро ВДНХ, где появился Ельцин, уже в ранге министра коммунального строительства, после его освобождения от должности секретаря московского горкома КПСС. Уже тогда были люди, которые давали ему истинную оценку.

Другой раз я был приглашен на летучку, которая проходила на центральном телевидении, где обсуждался вопрос о возможности выдачи в эфир материалов о пребывании Ельцина в США, где он постоянно появлялся на людях в пьяном виде и нес почем зря советское руководство. По распоряжению телевизионного начальства записи были просмотрены в Верховном Совете СССР, и получено разрешение на показ этих записей по Центральному телевидению.

Рекомендовали показать пленки и самому Ельцину. Он не возражал сильно, кроме показа одной записи, где он посетил помещение научной организации в сильном подпитии.

Пленки были показаны по первой программе телевидения. Правда, всего один раз.

И вот после этого и состоялось обсуждение показа на летучке в аппарате ЦТ.

К этому времени Ельцин уже искупался в речке по дороге к Горбачеву, но это все равно не повлияло сильно на то, чтобы выдвинуть вскоре его кандидатуру на пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. А это, в свою очередь, дало ему возможность в полном смысле слова повернуть колесо истории России. Но, прежде всего, развалить великий Советский Союз и перессорить многомиллионные народы, бывшей единой могучей страны.

По выходу на пенсию я практически дома не сидел. Племянник Алексей познакомил меня с представителями торговой фирмы, которая помогала продавать японцам папоротник и другие товары, производимые на Алтае. Как человек, хорошо знающий экономику Приморья, я вполне устраивал Алтайвнешторг и вскоре стал его сотрудником. Более того, алтайцы определили меня на высшие коммерческие курсы, которые я с успехом закончил без отрыва от производства.

Вскоре и другие фирмы из Алтая начали обращаться с просьбами помочь в торговле с японцами.

Жизнь продолжается. Особенно интересно, когда можно на рыбалку в море сходить, да еще в такой компании. 2008 г.

Алексей познакомил меня с одним австралийцем, русским по происхождению, выходцем из бывшей Маньчжурии. Он вел усиленную работу по установлению связей с предприятиями Приморья и моя помощь ему была очень нужна. В общем, я начал крутиться, как белка в колесе. Не только папоротник надо было, алтайцы начали продавать китайцам удобрения, рога сайги, северного оленя, другие товары.

Австралиец поручил мне решить вопрос об организации производства на заводах Дальморепродукта консервов из скумбрии для Папуа - Новой Гвинеи. Мне приходилось регулярно встречаться с генеральным директором Дальморепродукта А.Г. Диденко. А эти встречи Диденко назначал в семь часов утра, в половине восьмого, такой у него был распорядок дня. Четкость, конкретность – главная черта его характера. По-другому нельзя было управлять таким огромным хозяйством, каким являлось производственное Объединение ДМП. В короткое время были изготовлены образцы консервов для папуасов, где они являются

основной пищей. Однако приехавшие представители фирмы из Папуа не сторговались.

Дальше – больше. Стали поступать заказы на технику, в частности на катера, которые начал списывать Тихоокеанский флот.

Именно в это время бурными темпами стали развиваться всевозможные фирмы и фирмочки, их руководители и представители стали создавать какие-то союзы, комитеты, объединения, чтобы найти способы присвоения народного добра, методы перевозки его за границу.

У меня появилось желание обзавестись недвижимой собственностью и я нашел на Океанском проспекте место, где можно было без больших затрат поставить небольшой магазинчик.

Александра Филлиповна Зорина, жена главного инженера Дальзавода, опытный проектировщик, очень быстро рассчитала и начертила проект магазина. Заместитель председателя крайисполкома, мой хороший знакомый и сосед по дому пообещал помочь в решении проблемы лицензирования участка. И даже деньги, всего-то 34 тысячи рублей, обещал занять товарищ. Однако, когда я стал все глубже знакомиться со всей обстановкой в коммерции, увидел подробнее страшную картину разорения нашего государства, понял смысл поступков хорошо знакомых и даже близких людей из аппарата крайкома и крайисполкома возглавивших многие фирмы и объединения, перечисляющих в заграничные банки огромнейшие деньги, мне стало жутко. Хотя меня приглашали в некоторые фирмы.

Но я четко понял, что это не мое дело и решил уйти из деловой сферы и, хотя проработал в «Алтайвнешторге» почти четыре года, уволился и нашел себе занятие по душе. Я пошел работать в Приморскую государственную картинную галерею инженером по эксплуатации зданий и сооружений.

Моей основной работой был уход за всеми системами двух зданий галереи – на ул. 25 Октября (ныне Алеутская) и на Партизанском проспекте.хлопот было немало. Здание на Алеутской – это приспособленное здание бывшего Азиатского банка, построенное в начале XX века. Когда краевые власти решили передать его под картинную галерею, то это уже было правильное решение: двухэтажное огромное здание с банковскими хранилищами, хорошими окнами могло быть подлинной картинной галереей.

Но, как всегда власти чуть-чуть перехитрили сами себя – от-

дали одно крыло здания под сберегательный банк. Когда ремонтировали крышу, то срубили вентиляционные трубы и теплый воздух из здания стал идти под кровлю. Значит, весь конденсат стал попадать на потолки. И тяжкая угроза нависла над историческими картинами в этих залах.

Вот и пришлось мне первым делом заниматься ремонтом новой крыши – выводить вентиляцию наружу.

А еще через некоторое время пришлось заниматься отведением воды от нижних хранилищ в галерее на Партизанском проспекте.

Была большая возня с уходом за лампами дневного света в обоих помещениях. За кондиционерами, за отопительными системами. Все это было интересно, поскольку постоянная работа творческого коллектива мне просто по душе. Были, конечно, разного рода неурядицы, но угнетало одно – очень низкая зарплата. Хотя я еще держал связь с австралийцем, уже начал сотрудничать с журналом «Океанские вести». Все равно материально было тяжело. И когда мне предложили перейти в охрану краевого музея им. Арсеньева, я не долго раздумывал: и зарплата выше, и работа сменная, и коллектив тоже творческий – мне было интересно.

Одной из личных выгод моего дежурства была возможность работать по ночам.

В начале 2000 года ко мне обратился издатель Владимир Трофимов с предложением подготовить для издательства книгу «Приморский край». Подобного рода книг уже было издано несколько штук (извините за такое выражение) в разных издательствах. Но время идет, каждое новое руководство края желает увидеть свое отражение, тем более что возможности такого отражения растут, полиграфия тоже добавляет блеска в отражении. Трофимов – очень разбитной издатель, нашел поддержку у краевых руководителей и решил на этом подзаработать. Он знал меня по совместной работе над изданием юбилейной книжки «О. Мандельштам. Избранное» и предложил дальнейшее сотрудничество. Он заключил со мной договор для начала на разработку концепции книги в достаточно короткий срок. Я выполнил его предложение и уже к концу двухтысячного года сдал ему концепцию книги и все материалы, собранные мной для подготовки книги.

В. Трофимов рассчитался со мной за эту работу, но тут же предложил выполнить более срочную: подготовить до 31 марта

2001 года книгу к 270-летию Тихоокеанского флота «Страницы боевой славы» и списки снимков и иллюстраций к книге до 25 января 2001 года.

Еще со времени работы в Находке и затем на протяжении многих лет я всегда интересовался историей Тихоокеанского флота и постоянно собирал материалы об этом.

Знакомился с военными моряками, имел среди них друзей, в том числе и среди больших командиров.

При каждой возможности стремился побывать на военных кораблях. Эти возможности увеличились, когда я стал работать на радио и телевидении. Особенно переживал за судьбу флота, когда началась его разруха под влиянием ельцинской политики и началом растаскивания и распродажи флота. Поэтому, когда возникла возможность рассказать об этом широкому читателю, я с интересом взялся за эту работу. Оговорил сразу и с Трофимовым, и с представителями флотских заказчиков, что буду писать как свободный журналист и называть имена торговцев флотом.

Учитывая при этом и те огромные сложности, которые возникнут: ведь все это нужно уместить в объеме книги всего в два печатных листа. А это история флота, как мне было предложено, за советский период (с 1918 по 2000 год).

Меня жена отговаривала от этой работы. Зная хитромудрость Трофимова и его непомерную жадность. Но я все-таки решился и справился в меру сил с заданием в указанные сроки. Ознакомил с текстом заместителя начальника штаба ТОФ контр-адмирала Н. Москалева, бывшего заместителя командующего флотом капитана 1 ранга запаса В. Слепцова, бывшего командира бригады противолодочных кораблей ТОФ, капитана 1 ранга в отставке, автора пяти биографических книг М. Храмцова, начальника военно-исторического музея ТОФ подполковника В. Чайка. Все они дали в целом положительные оценки, хотя и сделали ряд замечаний и предложений, над которыми пришлось изрядно поработать.

Издатель торопил меня, надеясь издать книгу к юбилею. Но сложность заключалась в том, что флотские чиновники не хотели «за так» снабдить издателя иллюстративным материалом, да еще вдобавок в это время в музее шли ремонтные работы. И начались переносы сроков, теперь уже не к юбилею ТОФ, а к очередному празднику флота, который отмечается ежегодно в конце

июля. Издатель начал тяжбы в краевом арбитражном суде. А я все время оказывался в прогаре, но вместо того чтобы самому судиться с издателем, я все время верил словам Трофимова, что он разрешит тяжбы и издаст книгу.

Не тут то было. Он оказывается, не получил первую часть книги – истории флота, от постройки первых кораблей в Охотске до 1918 года. А тут еще один плевков в лицо: под авторством Н. Москалева вышла в свет книга об истории флота на деньги мэрии Владивостока.

Теперь уже, после семи лет тяжб, Трофимов с открытым ехидством сказал мне: книги не будет, платить гонорар не буду. Если хочешь, подавай в суд. Вот так!

Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

К этому времени открылась новая возможность поделиться своим творчеством с другими, после того как я начал рисовать гелевыми карандашами. Как говорят, техника помогла: в продаже появились цветные гелевые карандаши. Именно гелевые, а не шариковые. Могу даже похвастать, я начал ими рисовать в Приморье одним из первых – где-то в 1995 году. Большие художники – Иван Васильевич Рыбачук, Кирилл Иванович Шебеко и некоторые другие отнеслись к моим пробам довольно скептически. Но я продолжал рисовать нашу приморскую природу и не находил никакого другого средства показать все ее тонкости, как рисунок карандашом. Даже тушью, которая до сих пор считается самым тонким изобразительным средством, не передашь тех деталей живого дерева, цветка, которые можно отразить гелевым карандашом.

И вот когда у меня набралось довольно значительное число работ, я уговорил Надежду Павловну, заведующую отделением музея им. Арсеньева на Петра Великого, разрешить выставку в музее. Тем более, что тут было еще одно очень важное преимущество – в музее имелись в наличии паспорту (рамки), которых мне так не хватало. Плюс к тому и оформительскую работу я мог вести по ночам, никому не мешая.

До этого момента я делал несколько выставок своих работ в санаториях, где мне удавалось больше всего порисовать, в холле дома радио, в день своего юбилея. А тут – известный всему краю

и не только исторический музей, два громадных зала в апреле 1999 года открыл свои двери почти неизвестному художнику-самоучке – это был праздник не только для меня и моих друзей, но и для очень многих посетителей.

Отзывы в книге посетителей просто радовали до глубины души.

«Очарована творчеством нашего земляка. Безусловно, талантлив. О.В. Мурзина, пенсионерка».

«А еще – помимо радости творчества, - признания благодарности, справедливости. Я – в восхищении. Жаль, что так поздно узнала эту вашу ипостась, И. Пермякова» (поэт, литературный критик).

«Дорогой Иван Федорович! Я знала твои способности и многому завидовала хорошей завистью. Но не думала, что ты - талант. Молодец! Твори и дальше на радость себе и людям. Зорина».

«Наше «Ура» певцу природы и человеческих душ! Петр Бровка».

«Молодец! Спасибо за все доброе и полезное что вы делаете для людей! Очень жалко, что эта выставка краткосрочна. Надеемся и ждем встреч с вашим творчеством в других залах и городах. С уважением А. Пырков».

«Выставка замечательная! Особенно понравились портреты и шаржи. С уважением В. Патрушев».

«Много лет знала Ивана Федоровича, но эта сказочная выставка позволила мне познакомиться с иным человеком, творцом и поэтом и это знакомство доставило мне истинное, волшебное наслаждение. Мирослава Ефимова».

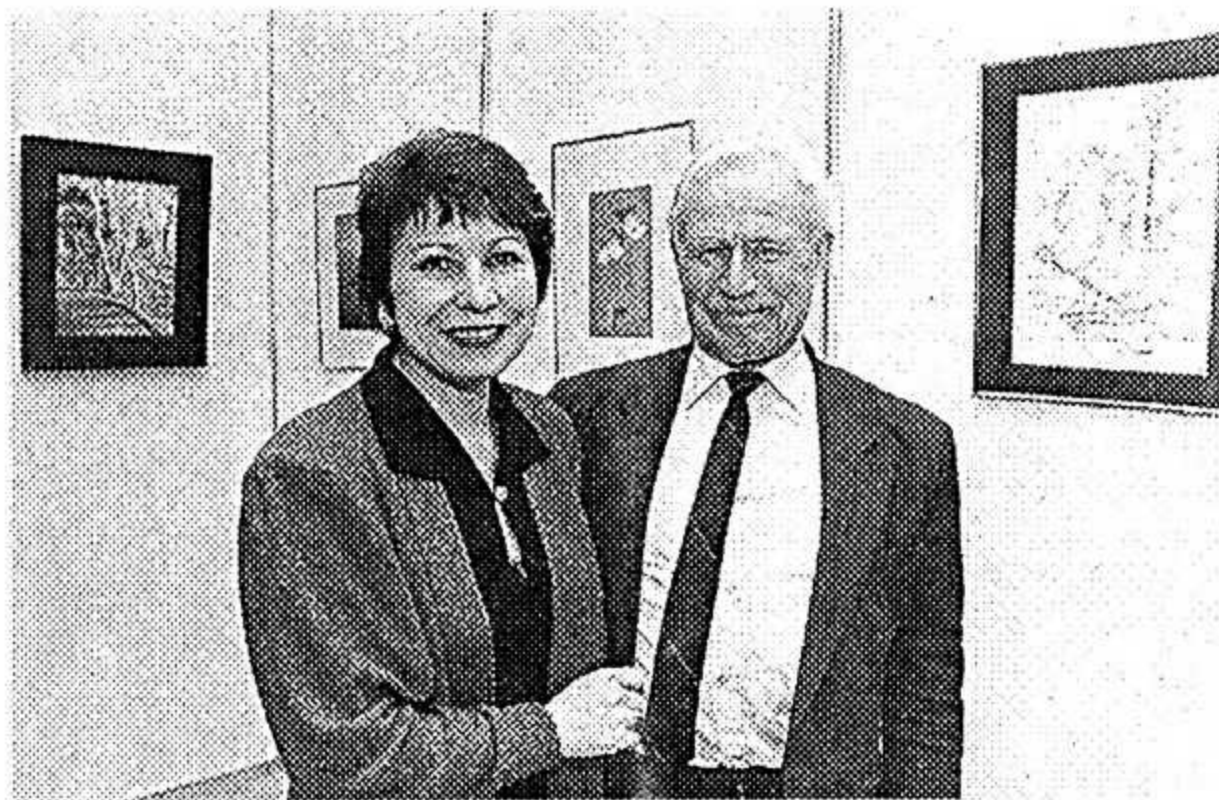
Было еще много очень приятных отзывов. А Алла Прозорова даже написала целую поэму по этому поводу.

Почти все городские газеты откликнулись и маленькими, и увесистыми рецензиями, многие – с иллюстрациями, и почти все повторили название выставки - «Я люблю эту Землю».

Особенно меня порадовал один отклик, прозвучавший во время фуршета по поводу открытия выставки. Подробность заключается в том, что этот отклик прозвучал из уст Валентина Ткачева, который, будучи учеником Семена Владимировича Юрченко нашего председателя комитета по телевидению и радиовещанию, нашего мудрого учителя все-таки завидовал его авторитету и проявлял это всегда, даже умалчивал заслуги С. Юрченко, хотя сам имел достаточный авторитет среди журналистов. И вот

на этой выставке он, как бы принародно, признал авторитет С. Юрченко. Я нарисовал шарж Юрченко на листке из блокнота, а таких шаржей у меня много, но главным в данном случае был не только портрет, достаточно оригинальный, а подпись под ним: «Семен Великий». В. Ткачев, отмечая достоинства моих портретов и шаржей, сказал: «Да действительно правду отразил автор в шарже Юрченко, он действительно великий».

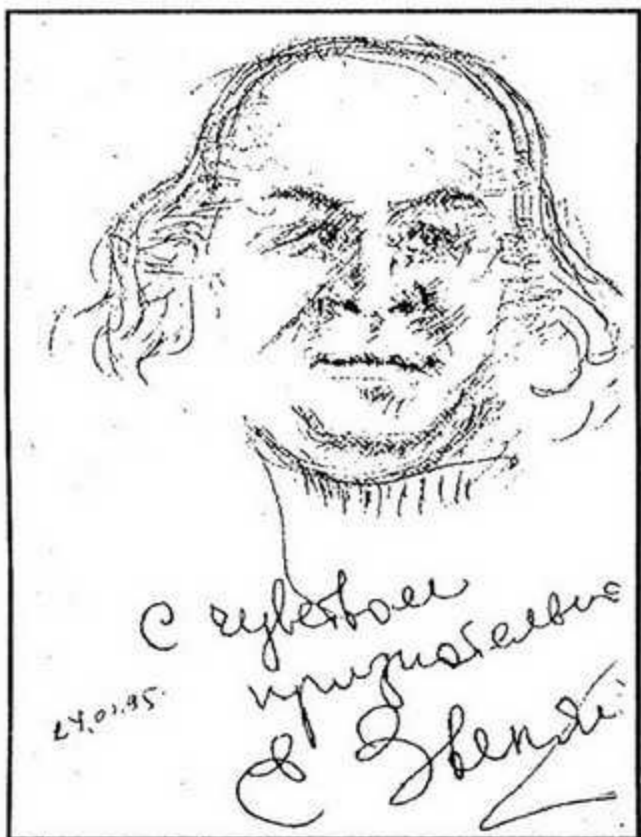
Были организованы и другие выставки моих работ, в том числе и в родном Артеме. И там тоже было много очень приятных отзывов. Была выставка в том числе и на юбилейном вечере, посвященном 50-летию Приморского телевидения.

Приятно встречать на выставке своих работ радужных гостей, да еще и старых товарищей по работе, таких как Оля Мальцева.

Закончить воспоминания приходится на грустной ноте: выставку мою разместили художники телестудии в коридоре перед большой телестудией как раз к началу торжественного собрания, так что ее практически мало кто видел. Еще более горькая участь ждала историю студии Дальтелефильм: ни одной строчки о нем в буклете, изданном к юбилею, ни одного экспоната на выставке в музее им. Арсеньева, ни слова о тех фильмах, которые принесли славу Приморскому комитету, не было сказано.

ЗАРИСОВКИ И ШАРЖИ ИВАНА ГУРКО

Ефим Звеняцкий главный режиссёр Приморского Государственного академического театра им. А.М. Горького. 1995 г.

Роберт Рождественский на встрече с членами литературной группы газеты «Шахтер». 1965 г.

Георгий Халилецкий председатель краевой организации Союза Писателей СССР

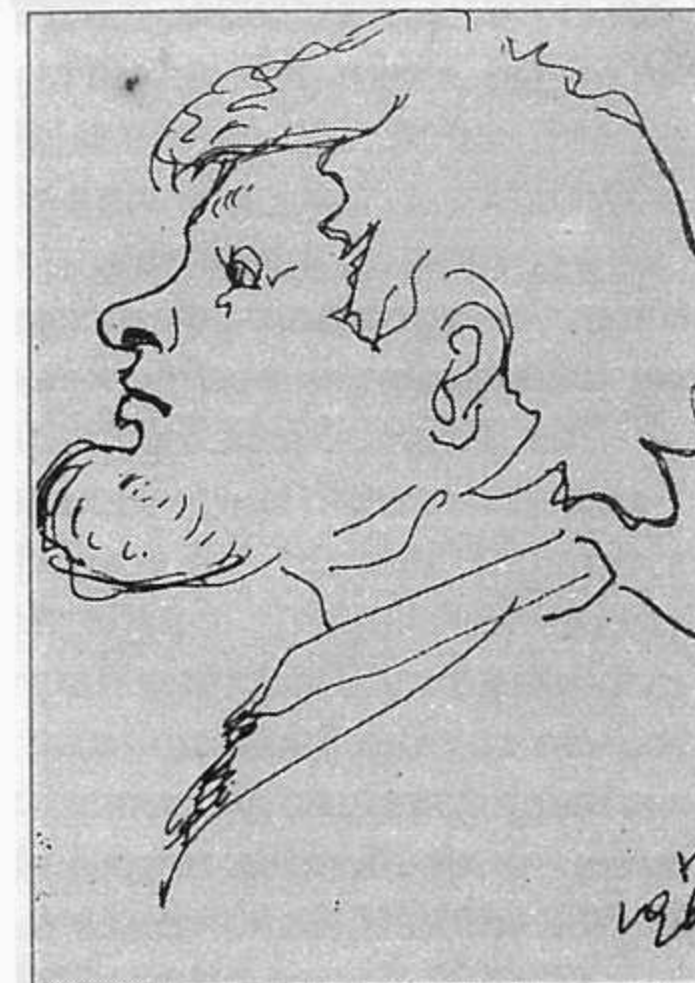
Екатерина Гаер, депутат Государственной думы от Приморского края. 1992 г.

На радио всегда работало и работает много прекрасных и красивых женщин. Одна из тех, с кем мне довелось поработать в 60-70-годах, Алла Прозорова.

Вадима Тураева - главного редактора "Тихого океана" я не случайно назвал Турай-беём. Интересное сочетание в этом человеке яростного, какого-то азиатского напора в решении сложных задач с не менее удивительным упорством и усидчивостью делали его авторитет в редакции почти непререкаемым.

С Виталием Солдатовым мы в 1969 году почти в одно время пришли на Радио. Много моментов было в работе и во встречах при самых интересных обстоятельствах. Но самым заметным в его облике, конечно, была борода. Не случайно на долгие годы за ним закрепилось это прозвище - "Борода".

«Марксисты» - рисунок делегатов на партийной конференции

Лариса Сахьянова, балерина, народная артистка. 1980 г.

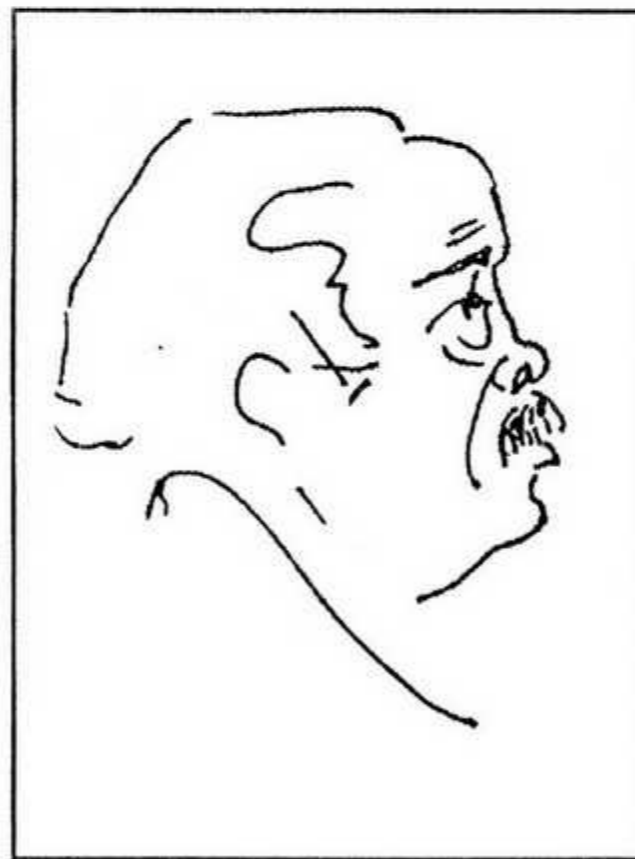
Сергей Литус, дружеский шарж. 1975 г.

Арон Стоник, ветеран-журналист. 1995 г.

«Семен Великий» С.В. Юрченко, председатель Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию.

Михаил Бриман, соб. корреспондент газеты «Советская культура». 1973 г.

Военнопленный японский солдат Кимура-сан. 1951 г.

Константин Унакян, художник из Армении. 1972 г.

Буллат Окуджава на встрече с членами литературной группы газеты «Шахтер» во Дворце культуры угольщиков. 1965 г.

Лев Князев, председатель Приморской краевой организации Союза писателей СССР.

Иван Басаргин, писатель. 1983 г.

А. Бовин, обозреватель центрального телевидения. 1984 г.

Георгий Малахов, зам. редактора газеты «Красное Знамя». 1978 г.

Ученый-литератор из Японии Б.Сакон 1997 г.

Г.М.Намятышев, главный инженер треста Дальморгидрострой. 1953 г.